

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«РУССКОЙ МЫСЛИ»
МАРТ 1986

19

БОЗРЕНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Обозрение

Присылаемые рукописи могут быть написаны на любом из основных европейских языков. Объем статей не должен превышать 8-10 машинописных страниц, напечатанных с двойным интервалом. К рукописи должны прилагаться краткие биографические сведения об авторе. Материалы из Советского Союза могут быть помечены псевдонимом. Рукописи следует направлять по адресу Редактора. Подписка на «Обозрение» производится Издателем. Непринятые рукописи редакция не возвращает и в дискуссию по этому поводу не вступает.

Tout texte sera accepté s'il est rédigé dans une des principales langues européennes. Le volume des textes envoyés ne doit pas dépasser 8-10 pages dactylographiées de 1500 signes (25 lignes de 60 signes). Prière de joindre au texte une courte notice biographique.

Manuscripts may be written in any one of the major European languages. The length of the manuscript should not exceed 8-10 double-spaced typewritten pages. Authors are requested to send a short biographical sketch along with their article. All materials should be sent to the editor. Declined manuscripts will not be returned.

Материал, публикуемый в «Обозрении», не может быть воспроизведен полностью или частично без разрешения Редактора.

Toute réproduction intégrale ou partielle sans le consentement de la rédaction est interdite.

All rights reserved. No part of the publication may be reproduced in any form without the prior permission of the editor.

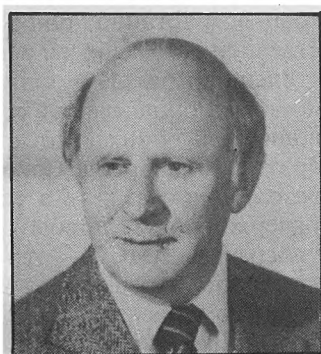
Адрес Редактора:
L'adresse du rédacteur:
Address of the editor:

A. Nekrich, 505 Pleasant Str.
Belmont MA 02178 USA.
Tel.: USA 617-495-4160; 484-8652.

«La Pensée Russe»
217, rue du Faubourg St. Honoré.
75008 Paris
Tél.: 563-94-47 ou 563-21-83.

Адрес Издателя:
L'adresse de l'éditeur:
Address of the publisher:

Можно ли преодолеть застой?

Александр Некрич
Редактор
«Обозрения»

Можем с каждым роботом
Обмениваться опытом.

(Из приветствия октября
Двадцать седьмому съезду)

XXVII съезд КПСС (25 февраля — 6 марта 1986 г.) проходил под знаком якобы новой эры, наступающей в жизни советского народа. Такое настроение поддерживалось повсюду, в каждом выступлении, начиная с доклада генсека Горбачева и кончая приветствием, продекламированным пионерами и октябрятами со сцены Дворца съездов в Кремле.

Итоги и перспективы

Впервые в практике партийных съездов речь генерального секретаря была названа «Политическим докладом Центрального комитета». Обычно доклады руководства

назывались отчетами ЦК, политическими отчетами, отчетными докладами, отчетами о политической деятельности. Исключив слово «отчет», Горбачев тем самым подчеркнул, что отчитываться ему, собственно, не в чем (даже количество членов партии названо в докладе не было!), а из самого доклада явствует, что нынешнее руководство фактически снимает с себя ответственность за провалы в прошлом, возлагая ее целиком на «неблагоприятные тенденции», «упущения» и пр. прежнего анонимного руководства. Это означает также, что прошлое после острой критики его предается забвению и внимание отныне концентрируется на проблемах, которые необходимо решить до конца столетия. Вот почему ни один из умерших в период между двумя съездами партийных руководителей не был упомянут. Лишь Андропову была выражена благодарность за его труды на поприще государственной безопасности в выступлении председателя КГБ СССР Чебрикова.

Таким образом, горизонт истории снова расчистился. Были Маркс и Энгельс, был Ленин, и именно от него идет прямая линия к Горбачеву. Правда, незадолго до съезда Горбачев отклонил предположение французских коммунистов, что речь идет сейчас о новой революции в СССР, подобной Октябрьской. Он обещал лишь придать «мощное ускорение» делу, начатому Октябрьской революцией.

Как и полагается, на съезде были подведены итоги одиннадцатой

пятилетки. Они были весьма неутешительными. Даже по официальным статистическим данным, точность которых была не так давно оспорена советскими экономистами в «Правде», ряд решающих показателей народного хозяйства, таких, как национальный доход, производство промышленной продукции, оказались ниже запланированных. В первом случае национальный доход вырос за пять лет (1981—1985) на 17 процентов вместо 18-20, во втором — увеличение на 20 процентов вместо предполагаемых 26-28 процентов. Было недодано 35 млн. тонн готового проката, 145 млн. тонн угля, свыше 50 млн. тонн нефти, на 16 млрд. рублей предметов потребления. Не выполнили пятилетних заданий и многие другие отрасли народного хозяйства. В результате, как признал председатель Совета министров СССР Н.И.Рыжков, были потеряны миллиарды рублей национального дохода. «Груз недостатков, — констатировал председатель Совмина, — накопившихся за длительный период, был настолько велик, что ликвидировать его в короткое время оказалось невозможным».

На кого возложить ответственность? Нынешние руководители договорились, видимо, между собой не указывать ни на кого пальцем. В конце концов, ведь все они выдвинулись во времена застоя, «упущений», «роста бюрократизма», «разложения кадров» — т.е. в период восемнадцатилетнего правления Брежнева. В качестве козла отпущения избраны... министерства. Во-первых, потому, что

их расплодилось слишком много (более 100), во-вторых, потому, что именно они и представляют удобную мишень для критики. Любопытный диалог по этому поводу происходит на съезде между первым секретарем Омского обкома КПСС Манякиным и Горбачевым:

Манякин: — История не простит министерствам допущенного отставания в темпах экономического развития страны.

Горбачев: — ...история-то не простит, а мы вот прощаем.

Манякин: — Я долго думал, как сказать, но сослался на историю.

Горбачев: — 15 лет наблюдаем.

Признание Горбачева важно. Выходит, что 15 лет, прекрасно отдавая себе отчет в том, что происходит, он всего лишь «наблюдал». Какие должности занимал «наблюдатель» в это время, т.е. с 1971 по 1986 годы? Первые семь лет он «наблюдал» в качестве первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС, а остальные восемь лет в качестве секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро. Наблюдал — значит не вмешивался, ожидал своего часа...

Но не один Горбачев выступал в роли наблюдателя в период, когда, по его и других нынешних руководителей признанию, в стране царили «перерождение кадров» (Ельцин), «несоответствие между производством и социальной инфраструктурой», «отставание социальных тылов» (Воротников). Ельцин заявляет с трибуны съезда: «Делегаты могут меня спросить: почему же об этом не сказал, выступая на XXVI съезде партии? Ну что ж. Могу ответить, и откровенно ответить: видимо, тогда не хватило смелости и политического опыта». В ответ на «признание» Ельцина раздаются аплодисменты... Хрущев был куда как откровеннее на XX съезде КПСС, сказав прямо: «мы (т.е. члены Политбюро) боялись».

В годы сталинской диктатуры, действительно, можно было дрожать — хотя это и не может служить оправданием для политического руководителя — не только за должность, но и за жизнь. Нынешние партийные руководители боялись повредить своей карьере, жизни же их ничто не угрожало.

В брежневские времена нынешние руководители так же наслаждались жизнью, как и их босс, а дела

в это время шли все хуже и хуже.

Секретарь Ростовского обкома КПСС Володин рассказывает о произволе, который царил в Ростове-на-Дону при прежнем областном руководстве. «Ростов, — подчеркнул Володин, — фактически был выведен из зоны критики и контроля», т.е., иными словами, в этом крупном экономическом и культурном центре с населением в 1 млн. человек царил на протяжении многих лет полный произвол. Согласно же секретарю ЦК Лигачеву, вне «зоны критики» были также министерства внутренних дел и внешней торговли, Московская, Ленинградская, Украинская, Казахская, Ставропольская, Томская, Свердловская партийные организации. Ельцин добавил к этому списку Узбекистан и Киргизию. Получается, что в годы правления Брежнева произошло резкое усиление «власти на местах», с сопутствующими этому бесконтрольностью, обогащением местных партийных царьков, усилением произвола и бюрократизации.

На съезде приводились официальные данные, которые должны подтвердить, что рост благосостояния народа продолжается. Нет смысла приводить цифры, которыми жонглируют, — по этой части советские статистики мастера непревзойденные. Но вот председатель ВЦСПС Шалаев (ему по должности также полагается выступить с критическими замечаниями) приоткрывает немного завесу над состоянием производственных отношений. Одним из главных бичей экономики является текучесть кадров. Шалаев дает такое объяснение причинам ее: «Неудовлетворенность условиями труда выдвинулась сейчас на одно из первых мест среди причин текучести кадров». Он сообщил также, что каждый третий проект реконструкции или строительства новых предприятий, «как правило, возвращается... на доработку из-за несоответствия правилам и нормам охраны труда».

На съезде много говорили о необходимости внедрения новой техники в производство. Пионеры и школьники со сцены кремлевского Дворца съездов предьявили свои претензии на новую технику: «Получить бы поскорей и компьютер, и дисплей!». Очень трогательно — подрастающее поколение шагает в

одном строю с ветеранами партии: «Хоть бы пальчиком одним прикоснуться в школе к ним!» (веселое оживление в зале). И как ему не быть, если выступивший тут же один из партийных организаторов рекорда Алексея Стаханова в августе 1935 года попросил Президента Академии наук Александрова, «чтобы наука заменила этот отбойный молоток, которым пятьдесят лет тому назад еще рубил Стаханов. Спрашивается, о каком же прогрессе идет речь?» Вот вам и дисплей!

Возрастание роли КГБ

Изучение материалов съезда неизбежно приводит к выводу о резком возрастании роли государственной безопасности и в меньшей степени армии. И в политическом докладе Горбачева, и в речах руководителей обеих ведомств — Чебрикова и маршала Соколова, и в резолюции съезда, и в только что утвержденном новом варианте программы КПСС — это выступает довольно отчетливо. Оба решающих компонента системы объединены теперь под одной «шапкой» — защиты отечества. Причем на первом плане выступает государственная безопасность, а вооруженным силам отводится место пониже. Вот как это сформулировано в резолюции съезда:

«6. В условиях наращивания подрывных устремлений империализма против СССР и других социалистических стран значительно возрастает ответственность органов государственной безопасности, которые призваны проявлять высочайшую бдительность, своевременно разоблачать и решительно пресекать любые попытки подорвать или ослабить наш государственный и общественный строй... Всемерное повышение боевой готовности Вооруженных сил, воспитание воинов армии и флота, всех советских людей в духе бдительности и постоянной готовности великих завоеваний социализма должны и впредь оставаться одной из важнейших задач партии, государства и народа».

Вооруженным силам посвящено в резолюции всего полфразы, зато несколько раз повторяется злое слово «бдительность», ставшее синонимом террора в годы сталинской диктатуры.

Выступление председателя КГБ СССР Чебрикова, в котором он подчеркнул, что империалистические разведки «ищут и находят в нашем обществе социальных перерожденцев, политически незрелых и морально разложившихся людей», удивительным образом перекликается с известным заявлением Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года (его 49-я годовщина как раз пришла на время работы XXVII съезда КПСС), в котором он говорил о «врагах народа» с партийным билетом в кармане. Никогда еще за последние 30 лет выступление главы советской безопасности не звучало столь угрожающе.

После 70-летнего опыта истории СССР вряд ли у кого-нибудь остались сомнения в том, что органы госбезопасности **никогда** не действовали без указаний и директив партии и всегда находились под партией, а не над ней, даже во времена Ежова и Берии. Заявление Чебрикова на съезде: «Мы понимаем, что органы государственной безопасности еще в большом долгу перед партией и народом. Мы обязаны еще и еще раз сверять наши практические дела с установками партии, с требованиями, которые сформулирует партийный съезд» и его обещание действовать еще более «прицельно», еще более «эффективно» показывают, что ЦК КПСС недавно подвергло деятельность КГБ критике. Несомненно, критика воплотится в новые «дела», созданные государственной безопасностью.

«Честно и прямо»

Снова, как и на XX съезде КПСС, осудившем злоупотребления властью и преступления, совершенные в эпоху Сталина, на XXVII съезде повторяется, что партийное руководство «честно и прямо» сказало народу об «упущениях» (это словечко призвано, вероятно, заменить слова «преступления» и «ошибки»), «неблагоприятных тенденциях» и пр. На этот раз вина перекладывается на некий безымянный, «субъективный фактор» (этом термину надлежит отныне заменить в советском лексиконе столь привычный — «культ личности»). Вина этого «фактора», если судить по материалам съезда, весьма и

весьма велика: «он» повинен во всем, в том числе и в «застойных явлениях» в жизни общества. Лексикон пополняется и меняется, суть неизменна: диктатура узкой группы лидеров, раз в тридцать лет «честно и прямо» говорящих народу о том, что знает каждый житель СССР, — о плачевном состоянии экономики, об обыкновенном состоянии беззакония, в котором пребывает государство, и о светлом, радостном будущем, которое ожидает народ через 15-20 лет, если он будет хорошо работать и следовать призывам партии. «Честно и прямо» так называемая правда говорится только тогда, когда нужда берет за горло. Вдруг руководители вспоминают, что главную роль играют не инвестиции, не капитальное строительство, освоенное вовремя, а люди, именуемые в партийных документах «человеческим фактором», который, между прочим, нужно кормить, одевать, давать ему кров и даже ответить на его духовные запросы.

Вся эта «новая стратегия» партии кажется бесконечно знакомой. Внимание «человеческому фактору» — сталинское «кадры решают всё». Борьба против уравниловки — см. выступление И.В.Сталина на совещании хозяйственников в 1931 году. Перевод предприятий на хозрасчет — см. там же... И так далее и тому подобное.

Один из наиболее острых критиков на съезде, новый московский секретарь Ельцин якобы недоуменно вопрошает: «Почему из съезда в съезд мы поднимаем одни и те же проблемы?»... Почему в партийном лексиконе появилось слово «застой»? (Ельцин прав, раньше этого выражения избегали, хотя застой был.) «Почему, — вопрошает далее член Политбюро Ельцин, — нам не удастся вырвать из нашей жизни корни бюрократизма, социальной несправедливости, злоупотреблений? Почему даже сейчас требование радикальных перемен вязнет в инертном слое приспособленцев с партийным билетом?» Вот и обнаружены подлинные виновники — «приспособленцы с партийным билетом», фигуры анонимные. Велика роль личности в истории, что и говорить, но существуют и объективные факторы. Они-то и объясняют суть дела.

Если в течение 70 лет советское общество все глубже вязнет в тря-

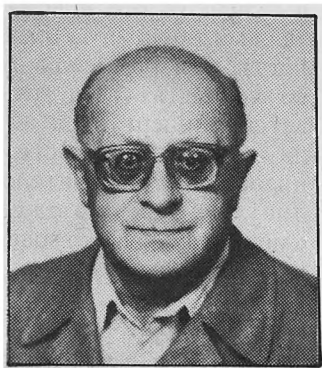
сине бюрократизма, злоупотреблений и ныне обнаруженного «застоя», если оно до сих пор не может функционировать без «кислородных подушек» — госбезопасности, цензуры, «черного рынка», «психушек» и лагерей и без внешней экспансии, — то не будет ли правильной предположить, что все эти черты и явления, склонность общества к инерции являются порожденными, имманентными данному обществу, что это общество является «тупиковым» и не могло бы существовать, если бы его стремление к внутреннему застою не было сбалансировано агрессивной внешней политикой. Именно во внешней экспансии советское государство и общество черпают необходимые жизненные силы для выживания. Вот почему СССР создал многослойную империю, форпосты которой выдвинуты почти во всех частях света, вот почему советские лидеры были во все времена мастерами по части «мирных» планов, внешнеполитических «инициатив», всевозможных основ «мирного сосуществования» и тому подобного.

Новое советское руководство пытается ныне придать советской системе ускорение, т.е. сделать ее более жизнеспособной, более динамичной. Горбачев и его новое политбюро взяли себе для реализации поставленной цели 15-летний срок — до 2000 года. На XXVI съезде КПСС Брежнев также взял 15-летний срок — 1990 год. Не исключено, хотя и маловероятно, что к концу столетия производительность труда возрастет, как это объявлено на XXVII съезде, в 2,3-2,5 раза, доходы на душу населения — в 1,6-1,8 раза и каждая советская семья получит обещанную съездом отдельную квартиру или дом. Ну, а если нет, то в 2000 году уже будет не за горами первая столетняя годовщина Октябрьской революции — 2017 год, и будет уместно совместить ожидаемые достижения с торжествами в честь революции.

Дело, конечно, не в этих магических числах. Суть заключается, как справедливо отмечается в документах XXVII съезда КПСС, в человеческом факторе, то есть, на самом деле, в способности партии сохранять свою власть и в готовности или в нежелании самого «человеческого фактора» окончательно примириться со своей судьбой. ■

«Они» заговорили

Статья вторая

Игнатий Шенфельд

**Игнатий Шенфельд —
польский литератор.
Многолетний узник ГУЛага.
С 1969 года
живет на Западе,
где публикуется
в польской
и русской печати.**

Анонимный автор предисловия к самиздатской публикации книги Торанской подчеркивает роль личности автора, сумевшего разговаривать собеседников, заставить их оперировать реальными фактами, отойдя от ритуального языка. Свойственное коммунистической системе шизофреническое разделение мира на действительный и идеологический приводит к тому, что в разговоре с Торанской бывшие сановники уходят от идеологического и пропагандистского канона к действительности. Это происходит отчасти оттого, что Торанская иногда резко возражает собеседникам, противопоставляя их аргументам совершенно иные ценности, радикально отличный подход к делам нашего мира, Польши и поляков. Но она делает это так, что вместо того, чтобы выставить ее за дверь или залить потоком пустословия, все начинают отстаивать свою правоту, убеждать ее, а для этого нужен не язык пропаганды, а язык конкретных фактов. Благодаря этому и возник уникальный исторический источник. Эти беседы можно приравнять к мемуарам политических деятелей, вышедших в отставку, они отчасти восполняют серьезные пробелы, возникшие оттого, что коммунисты не оставляют таких воспоминаний или пишут сухие, основательно отцензурированные апологетические реминисценции, в которых нет информации ни об авторской личности, ни о его культурной среде, ни о механизме политики. Есть, конечно, книги людей, порвавших с коммунизмом,

но эта литература «сведения счетов» зачастую создает картину не менее искаженную, чем апологетическая мемуаристика.

Политика уступок

Все собеседники Торанской, кроме Сташевского, сохранили верность коммунизму, правоту своей политики они защищают идеологическими аргументами, но чаще всего ссылаются на причины практического свойства. Сегодня трудно установить, как именно складывалась в те годы зависимость польских коммунистов от Кремля, были ли они излишне усердны или всего лишь послушны, либо, как пытается доказать Берман, из кожи вон лезли, чтобы «не допустить до самого плохого». Можно верить Берману, когда, защищаясь от атак Торанской, он говорит: «Это не мы — это советские советники». Но нельзя принимать за истину утверждения всех проинтервьюированных, что на своих высоких постах они якобы ничего не знали ни о сфабрикованных процессах, ни о пытках во время следствия и бессудных расправах. Об этом тогда во всеуслышание говорили на форуме Крайовой Рады депутаты Польского Стронництва Людowego.

Все собеседники Торанской, вступившие в партию в 20-х годах, воспитанные в духе III Интернационала, прошедшие годы войны вне Польши, вернувшись на родину, считали себя в первую очередь представителями чужих интересов.

Берман, рассказывая Торанской о переписке между Варшавой и Москвой весной 45-го года, подчеркивает, что интересы Польши должны были подчиняться высшим соображениям — «расширению социалистического влияния в мире, особенно в Европе». Охаб тоже говорит о том, что дело революции превыше всего, потому что «с Советским Союзом у нас общий идеологический базис, общая цель, которая наверное будет достигнута, хотя путь к ней далек». Но, когда Торанская заставляет его говорить о конкретных событиях, тот же Охаб раскрывает существенные конфликты между Варшавой и Москвой и выступает как поборник большей независимости от СССР. Он говорит Торанской, что «Польша — это гарнизонное государство», но статус протектората вызывает его возражения.

— Я понимаю, — говорит он, — что и тогда, после 1949 года, и теперь мы не можем допустить до столкновения с СССР, но его протекторатом мы быть не хотим, ибо народ на это не пойдет. Ни святой водой, ни проповедями мы не заставим его аплодировать.

Охаб и Берман, как и все остальные собеседники Торанской, вынуждены признать зависимость Польши. Когда разговор заходит о таких советских акциях, как высылка польского населения в глубь СССР в 1944-45 годах, вывоз имущества и заводского оборудования из Западной Польши, организация грабительских поставок польского угля, в речах бывших партийных сановников сквозит не только чувство бессилия и незащитности перед советскими «братьями», но и подсознательное чувство страха за собственную жизнь и страха перед советской интервенцией, которая повлекла бы за собой полную советизацию Польши.

Охаб вспоминает о событиях 1950 года:

— Холодная война, конфликт в Индокитае, обострение положения в Корее. Представители стран народной демократии, в том числе Ракоши, Сланский, Рокоссовский и я, поехали в Москву обсуждать вопросы укрепления обороноспособности социалистических стран. Сталин, а особенно его военные советники, маршалы Василевский и Соколовский, считали, что при таком сложном международном по-

ложении вклад стран народной демократии, в частности, Польши, должен быть увеличен во имя интересов общей обороны.

Торанская: То есть, они хотели из нас побольше выжать.

Охаб: В таких неизящных выражениях про это не говорили. Говорили, что мы можем это сделать, что мы сильные. С тяжелым сердцем мы согласились на это «предложение» со всеми вытекающими из него последствиями.

Торанская: А нельзя было начать дискуссию по этому вопросу?

Охаб: Я в некотором смысле развернул дискуссию, в рамках инструкций Политбюро. Я перечислил, что мы можем осилить и что представляется сомнительным. Кроме того, я высказал предположение, что о множестве деталей сможет рассказать в штабных беседах маршал Рокоссовский, который хорошо знает наше общественное и экономическое положение. Но Сталин, конечно, не вдавался в детали, он говорил о международном положении, и было совершенно очевидно, что он может оценить его лучше нас.

Торанская: А вы не могли войти в коалицию, например, с Чехословакией или Венгрией и выступить против этих требований?

Охаб: Как это — против?

Торанская: Чтобы меньше дать.

Охаб: Ну разумеется, дочка, разумеется.

Торанская: Почему вы смеетесь?

Охаб: Ах, дочка, сговориться — это значит подготовить себе процесс. Ведь они бы ни перед чем не остановились.

Торанская: Ни перед чем?

Охаб: Если бы мы достигли какого-нибудь соглашения за их спиной — абсолютно ни перед чем. Мы могли только выдвигать аргументы о том, что у нас трудное экономическое положение, что снижение жизненного уровня населения может привести к забастовкам.

Торанская: А Сланский и Райк тоже не возражали?

Охаб: Нет.

Торанская: Вот видите, а процесса им все же избежать не удалось.

Верфель о Сталине

Роман Верфель, когда Торанская спросила его о травле Гомулки в 1948 году, ответил, что, если бы

члены Политбюро поддержали на июльском пленуме Гомулку, всех бы развалили: «Просто развалили бы».

Характерны рассуждения Верфеля о Сталине:

— Расскажу вам подлинную историю. В 1922 году я сидел в тюрьме с молодым крестьянином из-под Станислава, который за год до того перешел границу и заявился на работу в ГПУ. Нравы там были еще довольно либеральные, и его приняли — как мелкого подручного, конечно, — а потом он сразу сделал большую карьеру. И знаете на чем? Пришел приказ снять портреты Троцкого и Бухарина, а в отделе ГПУ, где работали одни верные сталинцы, никто не хотел снимать эти портреты, потому что Троцкий был для них легендой Гражданской войны. Они могли с ними спорить, голосовать против них, но снимать их портреты — это было чересчур. А этот мой мужичок из-под Станислава пошел и снял их, потому что ему не было дела до какого-то бородатого еврея и москаля. Я вам это рассказываю, чтобы показать, что Сталин должен — просто должен был — избавиться от поколения, которое делало революцию и было связано с ленинской концепцией партии... Сталин представлял тактику кавалерийского рейда, поколения, выросшего на Гражданской войне, идущего напролом, не привыкшего, как старые большевики, к кропотливой, малоэффективной работе... Поэтому он решил уничтожить своих противников, и не нашлось никого, кто бы сумел противостоять ему. Может, на это оттолкнулся бы Киров, но он погиб.

Торанская: Именно поэтому и погиб?

Верфель: Может быть. Вообще в Сталине примитивизм и незнание мира уживались с гениальностью в области личных интриг и организационных дел, а старые большевики были людьми... благородными. Да, именно благородными. Бухарин, например, очень симпатичный парень, и, наверное, он был прав в своей основной концепции — строительства социализма с учетом психологии деревни. Ему бы и в го-

¹ Пытался ли Киров противостоять политике Сталина, пока остается неясным (прим. ред.).

лову не пришлось сделать что-нибудь неэтичное. У Сталина же никаких нравственных ограничений не было, а раз для победы своей концепции ему нужно было уничтожить целое поколение, которое помнило, что все могло быть по-другому, он это сделал.

Торанская: Неужели было необходимо физически их уничтожить?

Верфель: Наверное, нет, но в нем заговорила кавказская жестокость вкупе с азиатской дикостью.

Торанская: Но убивать можно по-разному: расстрелять по-тихому или же в результате открытого процесса с участием даже зарубежных корреспондентов.

Верфель: Не забывайте, что Сталину важно было мнение России, а не всего мира, а в России, чтобы скомпрометировать Бухарина, Сталин вынужден был устроить процесс. Ведь Бухарин был любимцем партии... и его нужно было заставить признать свою вину. И Бухарин признался, и Каменев, и Зиновьев — тоже. Почти все русские признались. пытки, страх за близких сделали свое дело. Не признались только поляки, но их вполне можно было расстрелять втайне, потому что о них никто и не вспомнил.

Торанская: Но зачем вообще это было нужно? Ведь они не представляли собой никакой угрозы?

Верфель: Представляли — хотя бы потому, что были свидетелями событий. Например, в «Кратком курсе истории ВКП(б)» в сообщении о том, кто вошел в состав ЦК на пражской конференции, сказано о Ленине, Свердлове, Орджоникидзе, Спандарьяне и Сталине. А Сталина там не было. Это ложь. Сталина там не было, и я вас спрашиваю: мог ли старик Варский², который был на этой конференции, мог ли он продолжать верить Сталину? Нет, не мог.

Торанская: Но ведь он бы молчал.

Верфель: Это еще бабушка надвое сказала, а так молчание было обеспечено.

Торанская: Сколько человек было расстреляно?

Верфель: Неизвестно, ведь часть погибла в лагерях. После XX съез-

да КПСС в 1956 году наше Политбюро создало комиссию по реабилитации для рассмотрения ложных обвинений против бывших членов КПП. ...Мы рассмотрели около 200 заявлений, любой мог подать заявление, хоть бы и я. Все дела мы решили положительно, хотя некоторые случаи могли вызвать сомнения. В 30-е годы мы подозревали ряд товарищей в сотрудничестве с полицией. И мы посылали их в СССР для выяснения дела. Там их сажали, но по совершенно другим, ложным обвинениям. Их мы тоже реабилитировали, а потому 1 мая 1956 года в «Трибуне люду» мы напечатали фотографии членов Политбюро КПП. Это была сенсация, и когда по приглашению (журнала) «Новы дроги» приехала делегация советских журналистов, они первым делом попросили этот номер.

Торанская: Вернемся к Сталину.

Никакой альтернативы не было: польские коммунисты были обречены на подчиненное положение.

Верфель: Сталин — личность противоречивая. В свое время были довольно популярны рассуждения молодых советских историков насчет того, кем же он был на самом деле. Один из этих историков в бытность свою в Польше спросил меня: а что бы вы сделали с товарищем, у которого в биографии было бы столько же загадочных провалов, сколько у Сталина? Я ему ответил: «мы бы его отпустили с миром», то есть мы бы ему сказали: никаких претензий у нас к тебе нет, но что-то вокруг тебя не в порядке, может, ты просто невезучий, так что плати взносы в МОПР, можешь голосовать за нас в профсоюзах, но к подпольной работе мы тебя не подпустим. Медведев, защищая Сталина от этого упрека, посвятил этой проблеме больше десяти страниц в своей книге о сталинизме.

Одно бесспорно: Сталин был паршивый притворщик. Приведу пример. Под Москвой был поселок старых большевиков, у каждого там был свой финский домик. И Сталин там жил, тогда еще тоже в скромном домике, рядом с Верой

Костщевой³. Вот однажды Вера у себя в саду обрезала розы. Сталин подошел к ней и сказал: «Какие прекрасные розы». В тот же вечер ее забрали и потом расстреляли. Сталин об этом знал. Но когда в 1944 году у него была наша делегация, он вдруг спросил: у вас были такие умные люди, такая Вера Костщева, вы не знаете, что с ней?

Торанская: И вас это удивляет?

Верфель: А вас нет?

Торанская: Нет.

Разговоры о политике польских коммунистов неизменно сводятся к вопросу: имела ли альтернатива — в 1944-м, 1956-м, 1981-м годах? Собеседники Торанской единодушны в том, что никакой альтернативы не было: польские коммунисты были обречены на подчиненное положение и могли использовать лишь большие или меньшие — в разные периоды времени — возможности для маневрирования. Можно было что-то смягчать, как-то затягивать, но нельзя было преступать обязательные нормы поведения, нарушать ритуал взаимоотношений. Когда в сентябре 1947 года на совещании коммунистических и рабочих партий в Шклярской-Порембе Гомулка попытался выступить против создания Коминформа, опасаясь, что это будет конец самостоятельности — пусть ограниченной — отдельных компартий, возникла паника. Рассказывает Берман: «Я понимал, какие будут последствия, если Польша проголосует против (создания Коминформа). Я убеждал Гомулку, что это невозможно: это будет означать, что мы пытаемся оторваться от всех, нарушить единство блока, это будет означать, что Польша обманывает Советский Союз, ставит его в опасное положение». Берман в ужасе перечисляет возможные последствия такого вызова СССР: «Конечно, от нас всех избавились бы, и страшно даже подумать о том, кто пришел бы нам на смену». Не убедив Гомулку, который «вел себя, как малое дитя», Берман бросился в Варшаву и добился вмешательства Политбюро, которое «приняло решение, обязывающее Гомулку голосовать за создание Коминформа и за

² Адольф Варский (наст. имя — Ежи Варшавский), 1868-1937, член Политбюро ЦК КПП.

³ — Вера Костщева (наст. имя Мария Кошутская), 1877-1940, член Политбюро ЦК КПП, деятель Коминтерна.

любую резолюцию, предложенную СССР. Ему пришлось подчиниться нашему решению».

После 1948 года, пражского переворота и предания анафеме югославской компартии, в годы растущей централизации и унификации сталинской империи, в период повторного запуска чудовищного механизма террора польскими коммунистами всецело овладел страх перед последствиями собственной медлительности или неповиновения в реализации «дружеских советов» Москвы. «Запахло кровью, — скажет об этом периоде Верфель, — только уже не кровью политических противников, но нашей собственной. Уже расставлялись сети на Гомулку и Спыхальского».

Из интервью со Стефаном Шашевским

Торанская: В 1945 году вы многих удивили, начав новую жизнь и отбросив при этом все выводы, которые следовало бы сделать из прошлого.

Шашевский: Дорогая моя, меня много раз спрашивали, почему, вернувшись из колымских лагерей, где я отбухал семь лет на каторжных золотых приисках, совершенно отрезанных от мира, где незадолго до меня погиб от тифа Бруно Ясенский, где между проволочными заграждениями укладывали трупы в штабеля, невероятное количество замерзших трупов, а из 24-х человек, которых отправляли из Магадана в тайгу, только двое переживали зиму, почему...

Торанская: ...вы продолжали заниматься своим прежним делом?

Шашевский: Да. Самый краткий и исчерпывающий ответ: я вернулся в Польшу коммунистом. Это значит, что я был человеком, всей своей жизнью связанным с концепциями и программой коммунистов... Я вернулся убежденный в том, что в Польше будет не так, как в Советском Союзе, ибо мы воспитаны в другой культуре, в другой традиции государственной и общественной жизни. Я верил, что мы создадим новую, более совершенную модель. Короче говоря, действительно, вместо того, чтобы бежать от коммунизма подальше, я после возвращения в Польшу активно включился в строительство социализма.

Торанская: И тюрем.

Шашевский: Да, косвенным образом, поскольку я поддерживал эту политику. Те, кто занимались созданием новой Польши, принимали на себя ответственность за все, а значит — и за тюрьмы.

Торанская: На III пленуме ЦК ПОРП в 1949 году вы сказали: «Помоему, есть граница, где кончается отсутствие бдительности и начинается стачка с классовым врагом. Мне кажется, что наши правонационалистические уклоны с товарищем Гомулкой во главе находятся возле этой границы».

Шашевский: Я был противником Гомулки, и когда все от него отказалось, я не должен был ни поддерживать его, ни отречься от него.

Торанская: Только добивать.

Шашевский: Это было никакое не добивание, всего лишь дискуссия.

Торанская: А чем кончилась такая дискуссия для Бухарина, Зиновьева, Каменева и других?

Шашевский: Можете мне не напоминать, я и сам это слишком хорошо знаю. Я был в Москве в 1927 году как гость XV съезда ВКП(б) и мог наблюдать за ходом фракционной борьбы. Тогда я впервые увидел Сталина. Твердый, непримиримый коммунист, плохой оратор, выступающий с примитивными, но тщательно подготовленными тезисами. Он брал картонную папку, открывал ее и объявлял: часть первая, международное положение... потом откладывал ее и приступал ко второй папке. Он даже не читал, но так было построено его выступление. Иногда он полемизировал, но чаще констатировал: «Ясно, что...» Для него любой вопрос был ясен.

На XV съезде я увидел его в действии. Захватывающий Троцкий — великий виртуоз ораторского мастерства, блистательный Бухарин и низенький, рябой Сталин в высоких сапогах и зеленом френче. Дискуссия была бурной. Вдруг Сталин обвинил Каменева в том, что тот отправил Михаилу Романову, брату царя, телеграмму с благодарностью за отречение от престола в Иркутске во время Февральской революции. Это дело было выяснено еще при жизни Ленина, который этот факт отрицал, но Сталин не упустил случая, чтобы опять поднять вопрос. Каменев

крикнул из зала: ты врешь, врешь, а Сталин со своим ужасным грузинским акцентом крикнул в ответ: молчи, молчи, а то хуже будет! И так крикнул, что всех поверг в страх. Потом я жил в Москве во время чисток 1937 года, когда органы НКВД забирали людей прямо из собственных квартир. Были арестованы все мои друзья и знакомые.

В этой партии отношения никогда не были *fair* (честными. — И.Ш.), и никогда в ней не придерживались правил *fair play* (честной игры. — И.Ш.).

Торанская: Вы не отрицаете, что были одним из первых, кто ввел сталинский террор в Польше?

Шашевский: Нет, я возражаю против такого определения, потому что сталинский террор был введен в Польше еще до моего возвращения, в тот момент, когда нога советского солдата вступила на эту землю и когда были установлены границы советской империи.

Торанская: То есть в 1944 году?

Шашевский: Именно так, в 1944 году.

Торанская: А каков был сценарий?

Шашевский: Каким он мог быть? Заимствован с Востока. Национализация экономической жизни, разорение корпораций и уничтожение частной торговли, установление государственной монополии на все. А когда у тебя в руках администрация, деньги и все государственные средства, не трудно национализировать общество, создавая фиктивные структуры, фиктивные организации, фиктивные идеологии.

Торанская: Вы были ответственны за идеологию?

Шашевский: Я был заведующим отделом печати в ЦК... Однажды приехал в Польшу член ЦК КПСС, главный редактор органа Коминформа с длинным названием «За прочный мир и народную демократию».

Торанская: Это название придумал сам Сталин.

Шашевский: Наверное. Редактор приехал из Праги, где издавался журнал, и пожелал поговорить со мной. Разговор принял немного смешной, хотя и опасный характер, потому что редактор вдруг спросил: а что вы сделаете со своими кулаками во время коллективизации? Я ответил, что не понимаю

вопроса: какой коллективизации? А он на это: ведь рано или поздно вы будете вынуждены провести коллективизацию, и тогда возникнет проблема кулаков. Что же вы с ними делаете? Знаете, товарищ, сказал я, у нас вряд ли кто-либо над этим задумывался. Тогда он с возмущением начал объяснять мне, что Польша — страна с ограниченной территорией, и спросил, сколько в Польше крестьянских хозяйств. Я ответил, что около 4-х миллионов. Таким образом, говорит он, у вас примерно 400 тысяч кулацких дворов. Он объяснил мне, что, по их подсчетам, 10 процентов крестьянских хозяйств — это кулаки, значит, у нас будет около 400 тысяч кулацких дворов, то есть по меньшей мере, полмиллиона человек придется выселить или арестовать. Его интересовало, куда мы их сошлем.

Я сказал ему, что у нас нет такой постановки проблемы. Во-первых, мы никогда не задумывались над

тем, сколько у нас кулацких дворов, во-вторых, у нас совсем другое понятие кулачества, не совпадающее с советским, и капиталистического кулачества у нас нет. А в-третьих, мы не собираемся арестовывать или ссылать полмиллиона человек, это было бы безумием или трагедией.

Редактор ушел возмущенный, сунулся к кому-то в Политбюро с ябедой, что, мол, руководящий печатью товарищ не знает, что такое классовый враг, ведь кулак — это зверь, как учил Ленин. Он даже высказывал сомнение насчет моей пригодности для столь серьезного поста.

Торанская: А почему вас сняли с работы в январе 1954 года?

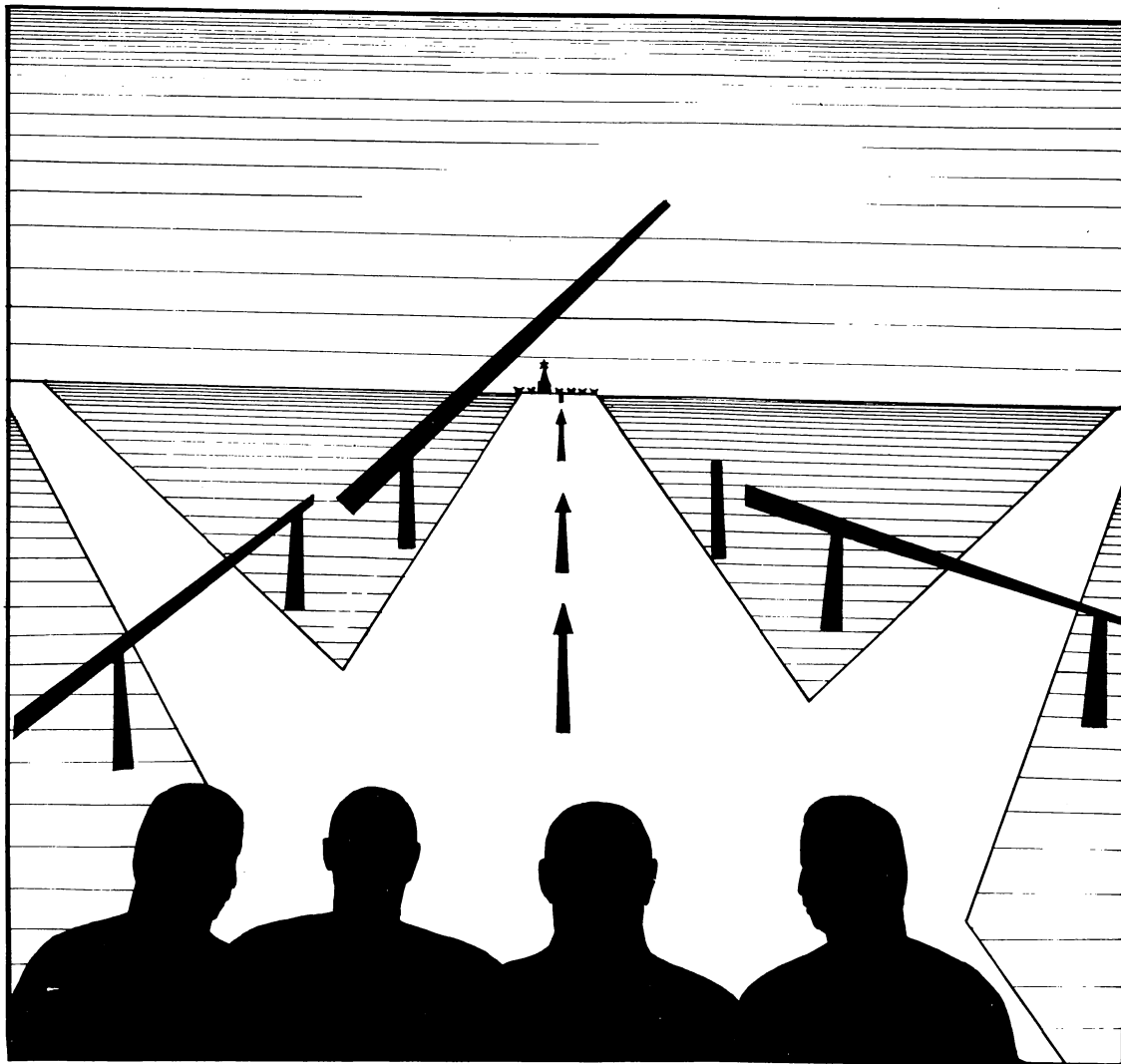
Сташевский: Я ушел потому, что таково было требование советского посольства. Конкретно: советский посол Попов в официальном демарше потребовал отставки Сташевского, Старевича, Касмана

и еще двух товарищей. Был как раз возврат к прежнему антисемитскому курсу, а мы все были евреями. Берут сказал мне прямо: сожалею, но это не наше решение.

Торанская: Он и в самом деле сожалел?

Сташевский: Думаю, что да. Я ведь Берута знал довольно хорошо еще до войны, мы встречались в разные периоды его жизни. Впервые я увидел его в 1926 году, когда он приехал в коминтерновскую школу в Москве. Он принадлежал тогда к фракции «большинства» в партии, и, когда он закончил учебу, в польской секции Коминтерна развернулась дискуссия, пускать ли его обратно в Польшу, где тогда заправляло «меньшинство». Решили не пускать и направили его в *Ländersekretariat*, как называли тогда коминтерновскую секцию прибалтийских стран. Вернулся он на родину в 1931 году и стал первым секретарем МОПРа. Я как представитель секретариата КПП по по-

мощи политзаключенным поддерживал с ним связь. После войны мы опять встречались, поначалу довольно сердечно. Я рассказал ему, ничего не скрывая, о своей судьбе и судьбе его друзей, которые почти все были казнены в Советском Союзе. Он особенно интересовался Варским, Краевским, Стефанским. Мой рассказ потряс его, потому что Сталин и Берия все время его заверяли, что эти люди затерялись где-то в бескрайних российских просторах и их невозможно найти. Я рассказал Беруту все без утайки, чтобы он не питал иллюзий.

Торанская: Изменил ли он свое отношение к Сталину после этого?

Шташевский: Ну что вы! Он только заметил, что это большая трагедия, и может, кто-то еще жив, он будет запрашивать о них и добиваться их освобождения. Бывая в Москве, он в разговорах со Сталиным постоянно затрагивал эту тему. При встречах присутствовал Берия, и каждый раз Сталин спрашивал его: Лаврентий Павлович, где же они, я ведь велел вам их отыскать, почему вы их не можете найти? И такая комедия разыгрывалась регулярно.

Однажды где-то в начале 1950 или в конце 1949 года Берут вернулся из очередной поездки в Москву под большим впечатлением от происшедшего. Он рассказал, что снова был у Сталина, снова повторился весь цирк с вопросами и ответами, затем Берия вышел из кабинета вместе со Шташевским, и тут Берия ему и сказал: вы уж простите мне этот простой шероховатый партийный язык — чего вы приеблись к Иосифу Виссарионовичу, отъебитесь от него, я вам советую, а то хуже будет.

Берут понял намек, который на самом деле был последним предупреждением, и больше Сталина о своих друзьях не спрашивал.

Торанская: Испугался?

Шташевский: Не знаю. Берут был человек осторожный, но не трусливый. Тогда еще ему было нечего бояться. Он был потрясен, потому что никто с ним еще так не разговаривал, а тут вдруг он услышал такие слова от товарища, друга, собрата, представителя органов, к которым он питал уважение. Я подозреваю, что спустя два-три года Берут уже начал бояться. ...Русские надумали строить в Польше тюрьмы и в одной из них отвести специальное помещение для руководящего состава партии. Проект уже был готов, занимался этим Метковский⁴. Понимаете, придумали это русские, но строить должны были поляки, и каждый мог думать, что строит камеру для самого себя.

Я не сомневаюсь, что Берут осознавал всю опасность положения. И еще одно: Берут, который до войны никогда не пил и был активистом общества «Трезвость», под конец жизни стал напиваться. Не знаю, много или мало он пил, в одиночку или в компании, знаю только, что я несколько раз видел его подвыпившим. Возможно, выпивки были для него бегством — от страха или от дурных предчувствий. Как-то раз я видел его на каком-то важном приеме, кажется, по случаю годовщины начала войны 22 июня, в 1954 или 1955 году, уже после смерти Сталина. Один большой стол был поставлен поперек зала — как обычно — для почетных гостей, а для остальных столы стояли вдоль зала. Все пьют, закусывают, разговаривают. Берут выходит из-за стола вместе с советским послом и начинает представлять ему присутствующих. Он подходит ко мне и говорит: «Товарищ Шташевский, представьтесь нашему послу».

— Мы сегодня уже здоровались, — отвечаю я и вдруг слышу из уст Берута ужасающую вещь: — Ничего, ничего, нашему послу не грех и лишний раз поклониться.

Берут определенно был под градусом, и я воспринял это как симптом морального упадка этого человека. Я подумал, что самоунижение Берута в каком-то смысле является его концом, хотя мне это казалось совершенно необоснованным. Советские товарищи относились к нему всегда весьма положительно.

Польские официальные газеты о книге Торанской «Они»

Газета «Жечивистость» от 1.8.85 в статье «Привислинская Фаллачи» иронические приравнивает Терезу Торанскую к известной итальянской журналистке Ориане Фаллачи, снискавшей славу интервью со скандальными личностями. «Цель книги, — пишет газета, — не столько послужить восстановлению правды, сколько скомпрометировать левые силы... Достаточно было нескольких мелких приемов, чтобы текст приобрел абсолютно новые возможности идеологического воздействия, направленного

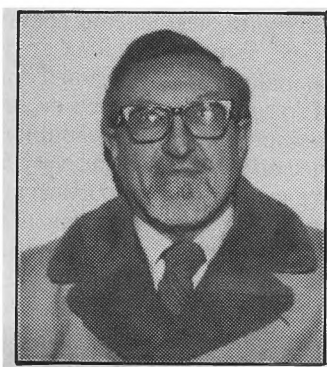
на оплевывание не столько определенной политической концепции элиты, сколько всей истории Польской Народной Республики. Конечно, господа, ответственные за довольно темные эпизоды нашей новейшей истории, воспользовавшись случаем, делают все, чтобы в глазах нашей милой Орианочки предстать жертвами ужасной системы».

С иной позиции оценивается книга в еженедельнике «Политика» в статье «Они и она» (24.8.85). «Любому вдумчивому читателю... эта книга покажется скорее трибуной, предоставленной четырем выдающимся коммунистическим деятелям для искренней, честной и очень человеческой, хотя и субъективной защиты своих поступков и своей позиции, чем демонстрацией наивных, эмоциональных аргументов, выдвигаемых Терезой Торанской... Тереза Торанская со скамьи обвинения построила бывшим политическим деятелям кафедру для политической и идеологической защиты, в которой вдумчивый читатель увидит вечную шекспировскую драму каждого политика. Драму вопросов о цели и моральных границах. И очень плохо, что по собственной воле мы предоставляем возможность режиссуры такого рода пьес другим. В нашей режиссуре они обрели бы положительное воспитательное звучание, в режиссуре наших противников они могут послужить разрушению государства».

«Пшегленд тыгодновы» от 25.8.85: «Уже сам набор фамилий некогда известных людей вызывает сенсацию, но это сенсация в отрицательном смысле. От откровений некоторых из этих деятелей, занимавших когда-то высокие должности, веет ужасом. Можно понять их желание оправдаться любой ценой — это характерное свойство мемуарной литературы, и приведенные в книге беседы эту роль отчасти выполняют. Однако нам непонятна оптика, используемая собеседниками Торанской, да и самим автором, для обзора истории, в создании которой они играли весьма значительную роль. У нас нет желания приводить цитаты и полемизировать с антикоммунистическим и антисоветским мотивом, который красной нитью проходит во всех разговорах. Об этом можно только сожалеть». ■

⁴ Мечислав Метковский, бывший лейтенант НКВД, после 1944 г. — генерал, зам. министра Госбезопасности в Польше. В 1957 г. за истязания подследственных осужден на 7 лет заключения.

Двести лет империи. Попытка исторического анализа

Марк Раев

**Марк Раев —
профессор русской и
общеευропейской истории
Колумбийского
университета.**

**Автор
известных работ
по истории
русской интеллигенции
и императорской России.**

Вопросы, связанные с пониманием старого режима в России, встали передо мной в связи с изучением законодательства и роли Петра I и Екатерины II. Попытка понять императорскую Россию в связи с предшествовавшим ей Московским государством неизбежно привела к тому, что я выработал для себя некоторые гипотезы по объяснению развала империи в 1917 году. Для сегодняшнего читателя, полагаю, вопросы, «как» и «почему» произошли события 1917 года, представляют немалый интерес. Мне кажется, что объяснение феномена 1917 года ценно лишь постольку, поскольку мы способны понять императорскую Россию.

Несколько слов о научном методе

Основная задача историка состоит в том, чтобы установить, что произошло, или, как учил еще Ранке в XIX веке, *wie es eigentlich gewesen*. Это значит, что историк должен больше всего опасаться всякого анахронизма в своей терминологии, суждениях, а также всех характеристик, основанных на примитивных представлениях об однообразной закономерности и детерминизме исторических явлений.

Детерминистские школы историографии, в том числе и марксистская, не учитывают, как известно, роль случая в человеческих реакциях и решениях. Между тем, мы все еще не обладаем такими «инстру-

ментами», которые позволили бы не только предвидеть исторические закономерности, но и достоверно объяснить появление необыкновенных личностей (не говоря уже об естественных катастрофах), личностей, которые своими решениями, предпочтениями и действиями в конечном счете определяют судьбу современников и даже последующих поколений. Протестантизм мог возникнуть без Лютера или Кальвина, но он был бы совсем другим. Мы не знаем, как развернулась бы французская революция без Робеспьера или Наполеона, но французское государство и общество XIX-XX веков развивались бы совсем по-другому. Излишне говорить, что не будь Ленина, Сталина или Гитлера, мир сегодня выглядел бы иначе. Если историк хочет понять хотя бы часть прошлого, он не должен терять из виду «диалектику» между ограничениями, накладываемыми традицией и физическими условиями, и проявлением творческой энергии, свободной воли индивидов. Следовательно, историк должен также принять во внимание альтернативные варианты развития в целом или отдельных эпизодов истории — хотя последствия таких альтернатив не подлежат доказательству. Но как можно говорить о причинных связях, не учитывая неосуществленные возможности? Именно такой процесс мышления или анализа является «удельный вес» отдельных факторов.

Ясно, что историк не может игнорировать то, что случилось как результат изучаемого им периода

или факта. Он также не должен думать, будто обладает абсолютно верными критериями в установлении причинных связей и суждениях о поступках людей или групп в далеком прошлом. Он обязан ясно понимать, на каких критериях основаны его оценки и суждения. Он не вправе подгонять события, действия и взгляды личностей под заранее установленные схемы, формулы и представления. Он должен помнить, что прошлое столь же многообразно и изменчиво, как жизнь в настоящем, что в каждом случае он может объять лишь частичную картину, что полное и абсолютное воспроизведение прошлого всегда будет вне его досягаемости. И так как историк неизбежно думает и излагает *pars pro toto*, он должен соблюдать скромность, сознавая, что его труд, его понимания и объяснения навсегда останутся частичными, что многие факты и причины останутся неизвестными, что его интерпретации будут пополняться, ставиться под вопрос и изменяться вследствие трудов других ученых. Иными словами, историк предлагает только некоторые гипотезы и факты для понимания прошлого. Наше понимание прошлого постоянно расширяется, углубляется и изменяется вследствие обнаружения новых документов, новых заключений, извлеченных из других наук, другого мироощущения, вызванного сменой эпох. Историки, которые утверждают, что нашли ключ к объяснению всего прошлого, обманывают самих себя и своих читателей.

Но обратимся к главной теме статьи — попытке понять старый режим в России во всей его специфике и как составной элемент в цепи причинных связей, которые привели к февралю 1917 и развалу Российской империи.

Российская империя возникла в первой четверти XVIII столетия в результате деятельности царя и первого Императора Всероссийского Петра I Великого. Дело было не только в изменении названия государства, которое прежде было известно под именем Московского царства. Фактически это было первым шагом в изменении характера и направления общественной и политической жизни русского народа (вернее, народов русского государства).

Создание нового государства

Политическая культура, развившаяся в Московском царстве, держалась на трех столпах: автократический (самодержавный) абсолютизм царя; морально-религиозное согласие, коренившееся в русском православном церковном быту; служилый характер социального строя. Самодержавный абсолютизм определялся персональным характером власти монарха (с его помощниками из нескольких знатных семейств); кроме того, самодержавие подчинило себе Церковь во всех общественных делах, что, конечно, не умаляет исключительной и автономной роли Церкви в духовной и культурной жизни народа. В этом же факте таится причина некоторой культурной изоляции Москвы от Западной Европы и враждебного отношения ко всему незнакомому и чужому. Служилое начало социальной организации привело к тому, что дворянство было в полной зависимости от царя, оно не пользовалось автономной местной властью и юридическими правами на манер дворянства в условиях западноевропейского феодализма. Остальное население несло тягло¹, т.е. служило исключительно в качестве материальной базы для царского правительства, двора и, самое главное, его военного аппарата.

Структура общества не отличалась ни четкостью, ни сложностью: крестьянство жило в довольно обособленных общинах, а городское тяглое население было тесно связано с одинаковыми служебными требованиями московских властей. Материальная, экономическая база государства была сравнительно примитивная, и производительный потенциал страны ограничен. Притом львиная доля государственных средств уходила на содержание Кремлевского двора и военной машины, благодаря которой постоянно расширялись границы государства далеко за пределы первоначального княжества

¹ Тягло — подать, налог. Тягловым населением Московской Руси именовались земледельцы, чьи наделы подлежали налогообложению. К этой категории относились более или менее крепкие хозяйства.

Московского, вследствие покорения не только нерусских, но и неславянских народов. При этих условиях функции правительства носили характер ограниченный — скорее отрицательный, т.е. сводились к защите и расширению границ, поддержанию внутреннего спокойствия и собиранию материальных средств (дань и налог) для двора и военных сил.

По целому ряду причин, которые здесь не место излагать, во второй половине XVII века московское государство впало в период внутреннего кризиса, который оно оказалось не в состоянии преодолеть традиционными методами. Конфликты по поводу престолонаследия, которые были симптомами этого кризиса, неожиданно возвели на престол юного Петра Алексеевича. Петр не только обладал могучей, своеобразной натурой, но и воспитывался в нетрадиционных условиях и прожил свою юность в необычном, тесном соприкосновении с выходцами из Западной и Центральной Европы. Желая продолжить экспансионистскую политику своих предков, Петр хорошо сознавал, что его средства не были ни приспособленными для этого, ни достаточными; будучи знакомым с техническими достижениями современной Европы, он приступил к реорганизации и реформам общественного государственного строя Москвы, вдохновляясь теорией и практикой новой европейской политической культуры.

Политическая культура современной Петру Европы, если определить ее в нескольких словах, состояла в убеждении камералистов (предшественников сегодняшних экономических советников), что производительный потенциал любого общества не ограничен настоящим уровнем производства и его можно всегда увеличить до заранее неизвестных максимальных пределов, если применить для этой цели рациональное знание природы, ее законов и человеческую творческую волю. Эта концепция конкретно осуществлялась в практике «регулярного полицейского государства», причем «полицейский» в употреблении XVII-XVIII веков обозначало просто — управление, администрацию. Административная практика камералистской системы заключалась в следующем: центральная, верховная власть

(будь она властью монарха, республиканской олигархии или другого рода режима) стремилась организовать и дисциплинировать общество и нормы его поведения таким образом, чтобы максимально увеличить его производительность во всех отраслях. Эта цель должна была быть достигнута при помощи законов и регламентов, исходящих от монарха (или других верховных властей) и приведенных в исполнение под надзором чиновников и при помощи (что очень существенно) кооптации корпораций, гильдий и других автономных местных учреждений. По терминологии Монтескье, это были «посреднические власти» — *pouvoirs intermédiaires*.

Кое-какая информация об этой политической культуре второй половины XVII века проникла в Москву еще до воцарения Петра I. Но не подлежит сомнению, что только его волевой, энергичный и беспощадный характер был в состоянии ввести и укрепить «регулярное полицейское государство» в России — примером а *contrario* могут послужить неудавшиеся попытки реформ А.Матвеева и В.В.Голицына.

При этом важно подчеркнуть, что Петру удалось ввести формы европейского регулярного полицейского государства с одной очень существенной разницей: при отсутствии в Московском государстве «посреднических властей» — только их зачатки иногда улавливаются в событиях и документах XVIII века — проведение в жизнь программы камералистов пало целиком на плечи центральных властей, подгоняемых нетерпеливым и безжалостным императором, который на самом деле «Россию вздернул на дыбы». Преобразования Петра осуществлялись усилиями чиновников, назначенных и контролируемых личной властью самодержавного монарха. Таким образом, в императорской России автократическая и личная бесконтрольная власть государя (и его агентов) оказалась основным стержнем политической жизни империи и главной движущей силой правительственного принуждения населения к большим усилиям в осуществлении европеизации или модернизации не только военных сил, но и экономических и общественно-культурных ресурсов.

Нет нужды перечислять и описывать «реформы» — взглянем на их последствия. Как было упомянуто, самодержавие и центральные учреждения стали во главе европеизации-модернизации общества — и в первую очередь, служилой элиты, т.е. дворянства. Западное образование, хотя бы в разжиженном виде, скоро стало неперенным условием принадлежности к правящей элите и успешного прохождения государственной службы. Но руководящей роли государства препятствовали два обстоятельства, унаследованные от Петра. Прежде всего, на уровне центрального аппарата первый император не создал учреждения, способного не только осуществить эффективный надзор, но и согласовать и готовить долгосрочную политику. Таким образом, «храмина регулярного поли-

Полное и абсолютное воспроизведение прошлого всегда будет вне досягаемости историка.

цейского государства» оказалась недостроенной. Кроме того, в основе петровских преобразований лежали личная воля и власть монарха, персональный элемент власти остался основной чертой русского самодержавия (т.е. его политической культуры), и оказалось необычайно трудно установить «регулярное» управление на основе твердых и неперенных законов. Элемент произвола сохранился и сыграл немаловажную роль в дальнейшем развитии петровской системы. Он усилил тенденцию к патернализму и наложил свою особую печать на отношения между крестьянином и помещиком, обывателем и чиновником, интеллигентом и начальством.

Во-вторых, из-за малочисленности компетентного и образованного служилого персонала, из-за отсутствия местных посреднических учреждений петровский государственный аппарат не достигал глухой провинции и деревни. Между правительством и народом образовалась пропасть, становившаяся со временем все глубже, намерения центральной власти парализовались или сводились на нет массой населения, его невежеством и неже-

ланием — или боязнью — каких бы то ни было новшеств.

Народ продолжал жить своей традиционной, обособленной жизнью и нехотя принимал минимальное участие в преобразованиях, проводимых европеизованной элитой. По этой причине оказалось особенно трудно преодолеть экономическую и культурную отсталость народа, повысить производительность его труда, ввести новые методы труда и новое оборудование. Конечно, были препятствия географического и климатического характера, но с конца XVIII века они уже частично преодолевались наукой и техникой.

Таким образом, регулярное полицейское государство, унаследованное от Петра, смогло полностью осуществить свои цели лишь в области военной. Следует подчеркнуть, как в свое время это сделал Карл Маркс, что в XVIII веке ряд успешных войн существенно расширил границы империи: завоевание балтийских провинций («остзейский край»), установление русской власти над южной степью и северным побережьем Черного моря, проникновение на Кавказ и за Оренбургскую черту в среднеазиатские степи, присоединение бывшего Великого княжества Литовского и большей части Польши, не говоря уже о приобретениях в Финляндском заливе и на Тихом океане. Кроме того, военный аппарат стал проводником некоторых элементов европеизации в среде провинциального дворянства.

В середине XVIII века влиятельные деятели царского правительства, и в первую очередь сама Екатерина II, сознавали недостатки исторического наследия. Они понимали, что отсутствие твердых общественных структур не давало возможности привлечь к сотрудничеству образованные и прогрессивные слои населения и, что еще важнее, не обеспечивало безопасности личности и имущества от произвола центральной власти и ее чиновников. Положение о губерниях 1775 года и жалованные грамоты дворянству и городам 1785 года были первыми шагами в направлении более прочной и эффективной организации общества на сословных началах — по крайней мере, относительно свободного, т.е. некрепостного населения империи. Кроме того, это законодательство отвело

обществу скромную роль в местном управлении. Плоды этих первых начинаний появились только в XIX веке, но либерализация накануне наполеоновского нашествия и земская реформа 1864 года были бы немыслимы без законодательства Екатерины II.

Гражданское общество

Ввиду глубокого разрыва между крестьянством и элитой образование гражданского общества — т.е. учреждений и групп, не связанных и непосредственно не подчиненных государству, наталкивалось на серьезные препятствия. Дворянство с трудом освобождалось от навыков государственной службы; духовенство содержалось в состоянии подчиненной и малоуважаемой закрытой касты; городское население было слишком разношерстным, разьединенным и экономически слабым, чтобы составить прочную базу для настоящего «третьего сословия» (или «среднего рода людей», как говорили тогда). Лишь к концу XVIII века возникла группа, которая вознамерилась стать ядром русского гражданского общества. Это была элита — преимущественно из дворянства, живущая в столицах и некоторых провинциальных центрах. Люди, принадлежащие к этому слою, не только приобрели внешние черты западноевропейских граждан. Они впитали умственные, моральные и эстетические нормы и ценности западного прогрессивного просвещения. На основании своих культурных достижений они потребовали от государства права на активную роль в дальнейшей модернизации и прогрессе русского общества, русского народа. Государство же, т.е. самодержавный монарх или монархиня, не были склонны поступиться своей политической монополией. Назревало столкновение между образованной элитой и правительством. Не находя себе места в сотрудничестве с правительством, молодая элита решила обратить свою энергию, знания, традиции службы и моральную страсть на пользу народу — помочь ему возвыситься не только материально, но духовно и культурно. В процессе осуществления этих надежд молодая образованная элита вырабатывала все более критическое от-

ношение к действиям правительства, к узким рамкам, установленным для высказывания мыслей и для просветительской, литературной, издательской, благотворительной деятельности на благо народа. Арест и ссылка Радищева и членов Новиковского кружка послужили ярким доказательством того, что правительство не желает поступиться своей монополией, признать право элиты на общественную деятельность, на ее стремление стать ядром гражданского общества. Так родилась русская интеллигенция, которая со временем направила острие своих претензий против самодержавной системы.

Случайность личности Павла I и самовластный стиль его царствования лишь утвердили образованную молодую элиту в ее стремлении участвовать в гражданской — но не обязательно государственной — жизни империи, чтобы предотвратить повторение капризного и депотического правления. «Дней Александровых прекрасное начало» казалось хорошим предзнаменованием реформ и дальнейшего развития гражданской роли образованной части общества, в том числе и провинциальной элиты. Вначале эти чаяния и надежды как бы получили свое оправдание: центральные учреждения были преобразованы для ускорения модернизации экономической и культурной жизни страны и более успешного согласования с органами провинциального управления. В основном — с некоторыми частными изменениями впоследствии — реформы центрального государственного аппарата при Александре I определили организационные рамки царского правительства до конца его существования в 1917 году. Стало быть, они не были такими нежизнеспособными, как это часто представляют историки. Больше того, в первую половину царствования Александра I культурная жизнь России бурно развивалась благодаря либерализации цензуры, основанию новых университетов и специальных высших училищ, правительственной и частной поддержке издательства, научных и артистических предприятий.

Нашествие Наполеона заставило правительство призвать к содействию широкие круги населения; казалось, что это приведет к более тесному и вместе с тем вольному

сотрудничеству между государством и образованным обществом, которое благодаря этому получит более полное развитие. Как известно, эти надежды не оправдались. Отказ Александра I от дальнейшей либерализации и развития независимых от государства общественных сил привел к основанию тайных обществ и восстанию декабристов. Восстание было первым эпизодом в открытом столкновении царского правительства с обществом и может считаться символом начала «освободительного движения».

Наследник Александра I, его брат Николай I, поставил своей задачей завершить постройку «регулярного полицейского государства» петровскими методами и в некотором смысле в этом преуспел. По его мнению, правительство — единственный орган, который должен направлять и организовывать общественные силы страны для большей их производительности и модернизации; Николай I отвергал в этом процессе всякое участие общества. Но такая установка в XIX столетии уже стала анахронизмом, так как гражданское общество, хотя и скромное, в России было налицо и отрицать его существование и желание участвовать в гражданской жизни уже стало невозможно. Конфликт был неизбежным: Николай I принял вызов и установил жесткий режим контроля и репрессий против всякого проявления независимости и «вольномудства» со стороны образованного общества. Этим самым он оттолкнул молодое поколение прогрессивно настроенных, образованных людей — интеллигенции, которая очутилась в изоляции. Не допускаемая к совершенствованию общественной жизни, а потому, в конечном счете, не способная к участию в деятельности на благо страны, русская интеллигенция стала склоняться к отвлеченной идеологии. Таким образом, просвещенная интеллигенция, возникшая в конце XVIII века, преобразовалась в отчужденную, страстно идеологизированную радикальную молодежь; она замкнулась в свои частные кружки, которые стали потом рассадниками революционных движений.

Итак, царствование Николая I послужило к разрыву между государством и интеллигенцией, и эта

поляризация впоследствии сыграла важнейшую и роковую роль в неуспехе проведения реформ и либерализации царского строя.

Но, при всем том, необходимо подчеркнуть, что царствование Николая I тоже имело свои положительные стороны, не менее заметные в исторической перспективе, чем бюрократически-полицейский гнет. В самом деле, разве реформы Александра II — отмена крепостного права, учреждение земств, судебная и военная реформы — мыслимы были бы без тщательной подготовки? Так как это были реформы, а не революция, они разрабатывались долго и тщательно, вводились постепенно, с минимумом конфликтов и трений, благодаря хорошо подготовленным и информированным кадрам прогрессивных чиновников. Именно создание таких кадров является самой большой заслугой правительства Николая I. В эпоху этого государя произошли расширение и модернизация сети учебных заведений, в особенности технических институтов, гимназий, реальных училищ. Эти учебные заведения не только повысили профессиональный уровень правительственного аппарата, но и подготовили растущее число техников и специалистов для ускоренной индустриализации, урбанизации и общей модернизации во второй половине XIX века. Не забудем также: при Николае I была проведена кодификация русского (и местного, обычного) права, что также являлось необходимой предпосылкой судебной реформы 1864 года и развития русской юриспруденции. Наконец, общеизвестно, что николаевская эпоха была золотым веком русской литературы, периодом первого крупного взлета русской науки и начала философского и религиозного ренессанса.

Реформы царствования Александра II породили в русской жизни процессы стремительного развития во всех областях, это, в свою очередь, вызвало новые проблемы и кризисы. Не останавливаясь ни на обзоре реформ, ни на хронологии событий последнего полувека императорской России, отмечу лишь, для восстановления исторической перспективы, слишком часто искажаемой в литературе, что реформы Александра II были колоссальным достижением. Важно подчеркнуть,

однако, что положительная оценка реформ верна только по отношению к тому, что было до них, т.е. с краткосрочной перспективы. Если взглянуть на них из сегодняшнего дня, обнаружится, что авторы реформ не приняли во внимание их последствия в отдаленном будущем (например, земельный голод). Это сказано не в укор — творцы реформ решали задачи настоящего в той степени, в какой оно было им известно, и не могли предвидеть будущее, — но чтобы подчеркнуть тот трагический факт, что после 60-х годов правительство столкнулось с серьезными, порой роковыми препятствиями на пути продолжения и расширения реформ.

Последние десятилетия

Могли ли реформы в России второй половины XIX века развиваться независимо от правительственных мер? Разумеется, но только при условии, что гражданскому обществу была бы предоставлена возможность быстро и эффективно организоваться. Это оказалось нереальным в стране, где крестьянство, составлявшее большинство населения, находилось на особом юридическом положении, было прикреплено к общине, где земства разных губерний не получили права сноситься между собой, создать свою всероссийскую организацию и свободно располагать своим бюд-

жетом, а городская промышленно-деловая буржуазия в европейском смысле существовала лишь в зачатке и не пользовалась уважением со стороны верхов и низов русского общества. Неудивительно, что в этих условиях неудовлетворенную, разочарованную молодежь было легко привлечь к радикальным идеологиям и втянуть в революционные организации. История революционного движения от народничества до марксизма хорошо известна, и я не буду останавливаться на ее перипетиях. И как это всегда бывает, радикализм слева породил радикализм справа, т.е. обостренный национализм и шовинизм «черных сотен». Оба радикальные течения с их критикой правительственной политики оказались одинаково опасными врагами умеренности и реформизма.

Последние десятилетия политическо-общественной истории Российской империи я представляю себе в виде фигуры эллипса: два его неподвижных фокуса составляют центры постоянства и неизменности, в то время как точки на ее окружности подвержены постоянному изменению. Первым постоянным фокусом является самодержавный император и его непосредственное окружение, краеугольный камень политической, общественной и идеологической системы империи. Личный характер его власти и, следовательно, решающее значение его личности были уже отмечены мною: непреклонность Николая I, колебания Александра II, узорность и упрямство Александра III и Николая II в существовавшей мере объясняют ход, успехи и недостатки реформ и правительственной политики. В частности, факт, что Октябрьский манифест 1905 года не открыл эры настоящего конституционного режима, является в большой мере личной виной Николая II. При этом необходимо отметить тот парадокс, что в течение XIX века личный авторитет монарха все время падал и слабел; отчуждение между обществом и государством непрерывно росло, царь все больше изолировался, отказываясь от непосредственного контакта и знакомства со своим народом. По отношению к простому народу этот разрыв получил свое символическое завершение в день Кровавого Воскресенья 9 (2) января 1905 года. Процесс отчуждения, потери лич-

ного авторитета царя был, главным образом, делом самих императоров, которые постепенно замкнулись в семейную жизнь, удалились даже от своего дворцового окружения (Николай II) и оградили себя от контакта с народом церемониалом военных парадов.

Центр неизменного постоянства самодержавия, выраженный в личности царя, поддерживался административно-бюрократическим аппаратом. С середины XIX века, т.е. с момента вступления на престол Александра II, среди руководящего чиновничества Санкт-Петербурга можно различать две группировки — именно группировки, а не партии, т.к. их состав был очень изменчив и расхождения между ними носили скорее тактический, чем принципиальный характер. С одной стороны — прогрессивные «либеральные» чиновники, считавшие, что реформы Александра II — лишь первый шаг, что нужно и дальше постепенно направлять страну по пути либерально-капиталистической экономики и умеренного типа конституционной монархии, ориентируясь как на модели на Германию Бисмарка и Англию Дизраэли. Вторую группировку составляли сановники и чиновники — часто с дворцовыми связями, которые считали, что в России еще рано отпускать вожжи; они сопротивлялись всем либеральным мерам и старались не только приостановить, но и по возможности повернуть вспять прогрессивные начинания эры реформ.

Нужно подчеркнуть, что и та, и другая группировки могли проводить свою политику только при условии поддержки монарха — сами по себе они не имели достаточной опоры в обществе. Монарху было выгодно лавировать между обеими группами, сохраняя таким образом в неприкосновенности самодержавную власть, а общество не имело тех автономных корпораций, учреждений и структур, на поддержку которых могла бы рассчитывать та или другая группа чиновников. Правда, зачатки таких «корпоративных» организаций — и, следовательно, новые политические возможности образовались в первое десятилетие XX века. Но это было лишь началом, и обстоятельства не дали им развиваться. Одним из главных препятствий оказался, естественно, сам император, его давление

испытывали на себе Витте и Столыпин. Итак, к концу XIX века самодержавие уже изжило себя. Даже на верхах возник заколдованный круг, из которого можно было вырваться только насильственным путем — например, с помощью дворцового переворота.

Второй неподвижный фокус эллипса составляла радикально настроенная интеллигенция и ее питомцы — революционеры. Влияние и непримиримость интеллигенции возрастало с каждой консервативной или даже умеренной мерой правительства. Этому кругу людей реформы казались недостаточно либеральными, т.к. они не раскрыли достаточно широко двери к научным и техническим профессиям, в то время как экономическое развитие страны не ассимилировало достаточно быстро кадры,готавливаемые в университетах. Таким образом, молодежь в высших, а иногда и средних учебных заведениях легко вербовалась в радикальные и революционные кружки или организации. Молодое поколение нерусских народов, ущемленных в своей национальной гордости, увеличивало число недовольных, которые втягивались в революционные партии. Радикалы-революционеры жили только своим возмущением и ненавистью к царскому режиму. Они были неспособны, да и не хотели идти на какие-нибудь прагматические соглашения и уступки. И то же самое, конечно, должно было ожидать со стороны властей, которые боролись за сохранение порядка и империи.

А между этими двумя неподвижными фокусами располагалось быстро изменяющееся пестрое население империи. Оставим в стороне, за неимением места, нерусское население, которое тоже нельзя подвести под общий знаменатель. Мне представляется характерным для этого периода истории России, что старые, давно существующие общественные группы — такие, как дворянство, купечество старого стиля, мещанство как социально-экономическая категория, «иностранцы» и общиной связанное крестьянство — теряли свою жизнеспособность (гражданскую и экономическую значимость). Зато появлялись новые социальные категории: крестьяне-кулаки, фабричные рабочие, промышленно-финансовые «капиталисты», люди свободных

профессий и так называемый «третий элемент» в zemствах.

Правительство последних десятилетий не поддерживало — или делало это необдуманно и непоследовательно — старые социальные группировки, члены которых еще были преданы самодержавию и его аппарату. С этой стороны государство не могло ожидать никакой деятельной поддержки. С другой стороны, правительство беспрестанно ставило преграды желанию новых социальных элементов свободно развиваться, организовываться в деятельные союзы или корпорации, содействовать общественному, политическому и экономическому прогрессу империи.

Но, ставя преграды, правительство не понимало, что этим оно препятствует образованию «посреднических властей или учреждений», на которые оно могло бы опереться. Таким образом, царизм терял поддержку старых групп и классов (судьба Столыпина этому яркий пример) и в то же время не создавал себе другие прочные точки опоры в обществе. Пагубный пример последнего — отношение правительства к Торгово-промышленной партии² и Союзу Союзов³.

² Торгово-промышленная партия — партия крупной торгово-промышленной и финансовой буржуазии. Оsn. в

Неудивительно, что в конечном счете царское правительство очутилось в пространстве, изолированном и покинутом всеми. Главная трагедия состояла в том, что не были подготовлены или недостаточно окрепли те общественные группировки, независимые учреждения и классы, которые были бы в состоянии перенять ответственность за судьбы страны. Образовался вакуум. Таким образом, в течение восьми месяцев 1917 года, когда общественные связи слабели и распались, Россия скользила к анархии. Этим и воспользовался Ленин.

В этой статье нет возможности проанализировать историю и характер русской культуры Серебряного Века. Достаточно заметить, что, при всем своем творческом напряжении и бесценном вкладе в европейскую культуру, Серебряный Век не выработал, не сформировал те философские и научные принципы, которые смогли бы подвести умственный и духовный фундамент под деятельное, конструктивное, политическое и экономическое

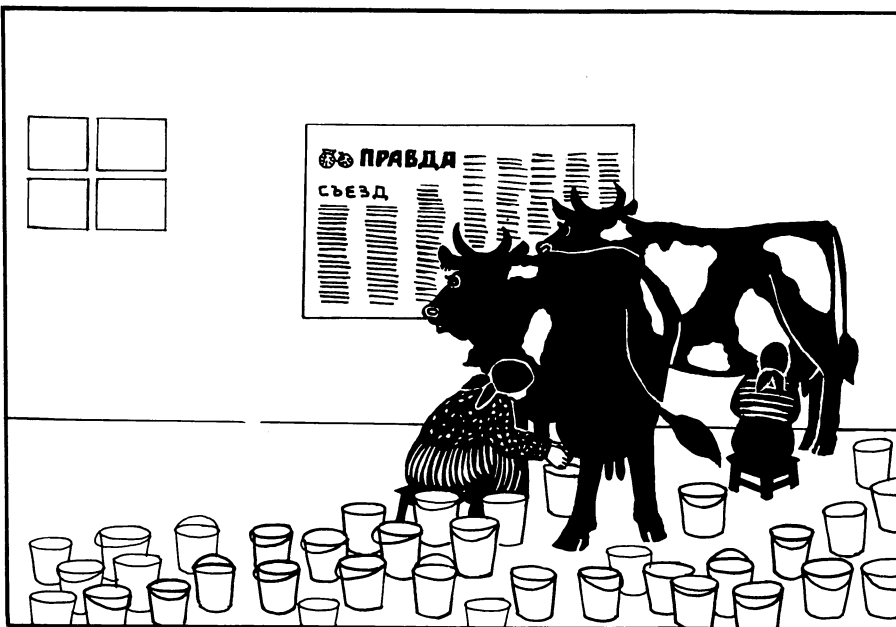
Москве, в ноябре 1905 г. Блокировалась с октябристами.

³ Союз Союзов — политическая организация либерально-буржуазной интеллигенции. Оsn. в мае 1905 г. в Москве. Центральное бюро возглавил П.Н.Милюков.

жизнеспособное мировоззрение. Опять, как это часто бывало в России, некоторые выдающиеся личности — П.Струве, С.Булгаков, С.Франк, Б.Кистяковский — сделали первые шаги в этом направлении. Этого оказалось недостаточно, и в обстановке духовной пустоты и анархии 1917-го и последующих годов примитивный, демагогический ленинский большевизм занял первенствующее место.

Два устойчивые фокуса русского эллипса — самодержавие и радикальная интеллигенция — каждый по-своему ограничивали возможности приспособления общества ко все более быстрым и глубоким переменам — экономическим, социальным и культурным. Они же держали общество в состоянии раздробленности и социальной немощи. Таким образом, не смогло развиваться и утвердиться крепкое, ответственное гражданское общество. Отсутствие автономных представительных учреждений, «посреднических властей», наряду с растущей неспособностью как самодержавия, так и радикальной интеллигенции направить развитие страны, привело к постепенному параличу системы, особенно ускорившемуся во время Первой мировой войны, и создало тот вакуум, в который провалилась Российская Империя в феврале 1917 года. ■

ПОЧТИ ЧТО ЮМОР

Почаще бы съезды!

«В эти дни я надаиваю от каждой коровы на 3 кг молока больше, чем в это же время в прошлом году... Мы почувствовали новый настрой партийного съезда».

(Письмо доярки —
«Сов. Россия»,
26.2.1986)

«Дни съезда стали для нас днями ударного труда... У доярки Таисии Токаревой каждая корова дает по 17 килограммов».

(«Сов. Россия»,
27.2.1986)

СССР и Турция

Михаил Володарский

Михаил Володарский — историк, научный сотрудник Русского исследовательского центра Тель-Авивского университета (Израиль). Автор работ по истории Ирана и Афганистана, политики России и СССР на Среднем Востоке.

Кончина основателя и первого президента Турецкой республики Мустафы Кемаля Ататюрка 11 ноября 1938 года стала в истории советско-турецких отношений если не фактическим, то символическим рубежом, положив конец даже видимости былой советско-турецкой дружбы. В годы Второй мировой войны Анкара не скрывала враждебности к СССР. 19 марта 1945 года Москва денонсировала советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете, подписанный 17 декабря 1925 года.

После войны изменений к лучшему не произошло. Напротив, приход к власти в Турции в 1950 году Демократической партии внес в советско-турецкие отношения еще более холодную струю. В Москве резко отрицательно реагировали на отправку турецкой бригады в Корею, на вступление Турции в НАТО (февраль 1952 года) и в Багдадский пакт (1952 год).

Военный переворот 12 мая 1960 года

В конце 50-х годов Турция переживала серьезный кризис, грозивший подорвать устои государства. 27 мая 1960 года турецкая армия совершила государственный переворот. Военные пришли к власти под лозунгом возрождения кемализма, и в Москве оживились надежды на улучшение связей с Турцией, оставшейся, пожалуй, единственной страной, в отношениях с которой советское руководство не добилося положительных сдвигов после смерти Сталина.

Однако новое руководство Турции несколько разочаровало Москву. Оно пошло навстречу пожеланиям СССР нормализовать советско-турецкие отношения, приняло к сведению заявление советской стороны об отсутствии у нее претензий к Турции, согласилось расширить торговлю между двумя странами. Но нейтрализовать Турцию — а именно это была и есть стратегическая цель Москвы — не удалось, она осталась верной своим обязательствам перед НАТО и СЕАТО.

Впрочем, некоторые внутриполитические мероприятия военных удостоились одобрения Москвы. 10 февраля 1961 года в стране были восстановлены демократические свободы и разрешена деятельность политических партий, кроме КПТ. Тем не менее, левое движение заметно активизировалось. Уже на следующий день было объявлено о создании рабочей партии Турции, которая тут же призвала «всех прогрессивно настроенных людей» объединиться вокруг нее для «борьбы за демократические права трудящихся». На I съезде РПТ (1964) была принята программа, провозгласившая партию политической организацией рабочих и всех трудящихся. На парламентских выборах 15 октября 1965 года РПТ провела в меджлис 15 депутатов. Со временем РПТ перестала скрывать, что исповедует марксизм-ленинизм, а вскоре в партии оформилось промосковское («доктринерское») крыло во главе с профессором Стамбульского университета Бехидже Боран. Фракция Б. Боран противо-

стояла «националистическому» большинству партии, во главе с ее генсеком Мехметом Али Айбаром, который делал упор на национальную специфику турецкого социализма, особенно после советского вторжения в Чехословакию. Москва подвергала Айбара резкой критике, обвинив в том, что он «оказался на поводу у лозунга западной пропаганды о ревизии марксизма и «демократизации» социализма, которым маскируется буржуазное наступление на научный социализм и пролетарскую идеологию»¹.

Парламентские выборы 1965 года принесли победу правой Партии справедливости (ПС) во главе с Сулейманом Демирелем, который, став премьер-министром, занял в отношении Москвы весьма сдержанную позицию. Сразу по вступлении в должность он заявил, что борьба против коммунизма — «это борьба не на жизнь, а на смерть» во имя «установления в Турции атмосферы покоя и процветания»². Внешнеполитическая программа нового кабинета опиралась на обязательства, вытекавшие из членства Турции в НАТО, но антинаатовские настроения в стране были столь сильны, что министр иностранных дел И.С. Чаглаянгиль вынужден был заявить, что «Турция — не сателлит Америки и не враг СССР»³. Однако это заявление не удовлетворило левые круги, группировавшиеся вокруг РПТ.

1966-1969 годы были отмечены бурными антиамериканскими и антиправительственными выступлениями. В 1969 году левые несколько месяцев вели разнузданную кампанию против посла США в Турции Комера, который в прошлом занимал крупный пост в ЦРУ. Президенту Никсону пришлось, в конце концов, отозвать посла. США оказались также вынужденными пересмотреть статус баз на территории Турции: в июле 1969 года

они вместе со всем персоналом перешли под юрисдикцию Турции.

Москва спешила извлечь из всех этих событий максимум выгоды. В декабре 1966 года Анкару посетил А.Н. Косыгин, через несколько месяцев последовал ответный визит С. Демиреля. Ожились отношения Турции со странами советского блока, началось сближение с государствами Третьего мира, прежде всего — с арабскими. Весной 1968 года турецкий министр иностранных дел посетил Каир. Вследствие всего этого, к радости Москвы, ухудшились отношения Турции с Израилем.

Антиамериканские и антинаатовские выступления в Турции были частью общей атмосферы политической неустойчивости. Трудности,

Нейтрализовать Турцию — а именно это была и есть стратегическая цель Москвы — не удалось.

которые переживала страна и о которых неустанно писала советская пресса, могли быть преодолены только при одном условии: объединение всех умеренных политических сил под национальным знаменем для преодоления кризисных явлений и изоляции левого и правого экстремизма. Между тем, обе ведущие политические партии — НРП и ПС — только усугубляли политическую неустойчивость, и различные левые группы и группки не преминули воспользоваться этим. Подрывные элементы левого толка проникли в святую святых турецкой государственности — в армию. Солдаты и молодые офицеры стали все чаще участвовать в демонстрациях и митингах. В стране возникла «революционная ситуация».

«Демарш военных»

12 марта 1971 года верховное командование турецкой армии направило президенту республики Джевдету Сунаю меморандум, в котором обвиняло правительство и парламент в том, что они «ввергли страну в состояние анархии, социально-экономической неустойчивости и не обеспечили осуществления предусмотренных конституци-

ей 1961 года преобразований». Армия потребовала от президента формирования непартийного кабинета для осуществления реформ в духе принципов Ататюрка. Командование армии оставляло за собой право при необходимости взять на себя управление страной. Это выступление вошло в историю Турции как «демарш военных» и справедливо было оценено как удар по радикальным силам, которые «хотели повторить переворот 27 мая, но более организованно и последовательно»⁴.

В Москве «демарш военных» вначале вызвал настороженность. «Махровый» антикоммунизм турецкой армии — аксиома, повторяемая во всех советских специальных («закрытых») военных изданиях об армиях зарубежных стран. В качестве примера сошлемся на брошюру «На южном фланге НАТО», изданную политуправлением Одесского военного округа в 1974 году и посвященную армиям Турции и Греции.

Советское руководство опасалось, что после 12 марта 1971 года антикоммунизм станет доминирующим фактором в политике Турции, но эти опасения оказались необоснованными. Военные ввели в стране чрезвычайное положение, преследовали левые партии и организации, но от критики в адрес Москвы воздерживались. В апреле 1971 года была запрещена деятельность более 260 различных подрывных организаций, в том числе РПТ, а ее лидер профессор Б. Боран была арестована. В том же месяце в Анкару прибыл председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный. Подписанная им и премьер-министром Турции Нихатом Эримом Декларация о принципах добрососедских отношений между СССР и Турецкой республикой провозглашала невмешательство стран во внутренние дела соседа, готовность уважать «политическую, социальную, экономическую и культурную систему» другой страны, содержала обязательство не предоставлять «своей территории для совершения агрессивных и подрывных действий против других государств»⁵.

⁴ Cumhuriyet, 18.3.1971.

⁵ «Правда», 18 апреля 1972 г.

¹ К.А. Белова. Основные политические и идеологические течения в Турции после 1960 года (Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук). М., Институт Востоковедения Академии Наук СССР, 1969, с. 21.

² Resmî gazete, 12.11.1965.

³ Ibid.

Возврат к парламентаризму

15 октября 1973 года состоялись парламентские выборы, на которых победила НРП (186 мандатов из 450). Успеху партии способствовала ее предшествующая эволюция в сторону левее центра. На V съезде НРП в мае 1972 года ее лидер, 47-летний Бюлент Эджевит, высказался за сближение с Москвой и за ревизию всех соглашений с США, заключенных после 1952 года. Москва приветствовала эти сдвиги в политике лидеров НРП: «Явный сдвиг влево в настроениях масс, — писала «Правда», — предопределил известную трансформацию политического курса НРП, в рядах которой... росло понимание перспективности курса на классовое сотрудничество с крупной буржуазией»⁶. Положительно было встречено в СССР и заявление Эджевита о солидарности его правительства с Организацией освобождения Палестины и его «озабоченности» положением Турции в ЕЭС. Вскоре была легализована РПТ. К этому времени значительная часть ее членов успела войти в состав НРП, образовав в ней левосоциалистическое крыло. После отмены запрета РПТ они формально остались в рядах НРП, проводя линию РПТ в рамках правящей партии.

Летом 1974 года назрел кипрский кризис, и Москва полностью поддержала турецкую военную акцию (август 1974 года), предпринятую после консультаций в Москве. Советскую позицию определяли три фактора: а) враждебность к режиму «черных полковников» в Греции, б) желание поддержать Эджевита, в) стремление ухудшить отношения Турции с НАТО. Но успешная кипрская акция лишь ненадолго отсрочила падение кабинета Эджевита, 18 сентября 1974 года он был вынужден уйти в отставку. 12 ноября было создано внепартийное правительство во главе с сенатором Сади Ирмаком. Только в апреле 1975 года лидер второй по величине парламентской фракции С. Демирель представил парламенту свой кабинет, в который вошли 4 партии, создавшие Националистический фронт.

Длительный правительственный кризис привел советско-турецкие отношения в состояние застоя. Только летом 1975 года обе стороны приступили к составлению Политического документа о принципах добрососедского и дружественного сотрудничества между СССР и Турецкой республикой. Работа над документом затянулась, поскольку Демирель настаивал на включении в него четких обязательств Москвы о невмешательстве во внутренние дела Турции. Он заявил: «Есть смысл поддерживать добрососедские отношения с Советским Союзом только в том случае и до тех пор, пока он не угрожает нашей территориальной целостности, не вмешивается в наши внутренние дела и уважает нашу независимость. Мы говорим это совершенно недвусмысленно. Мы — антикоммунисты. Если вы попытаетесь вмешаться в наши внутренние дела, произойдет несчастье. Мы повторяем: мы против экспорта идеологии»⁷.

Турция во власти террора

У Демиреля в тот момент были веские причины говорить об экспорте идеологии: в середине 70-х годов Турция стала ареной бесчинств правых и левых экстремистов, покровители которых заседали в правительстве и парламенте, лидер крайне правой ПНД (Партии националистического действия) занимал пост заместителя премьер-министра, не менее 30 парламентариев от НРП были «криптокоммунистами».

Экстремизм расцвел на почве трудностей и противоречий экономического развития. После подъема начала 70-х годов начался спад, в стране было 3 млн. безработных, уменьшилось число турецких рабочих в Западной Европе, переводимые ими на родину суммы в валюту сократились с 1,4 млрд. долларов до 0,95 миллиардов. Инфляция достигла 30%.

В 1975 году от рук террористов погибло 35 человек, в 1976 году — 90, в 1977 году — 200. Левозкстремистские группы не скрывали своей приверженности к ленинизму,

маоизму, насеризму и своих связей с ООП. Характер и связи правого экстремизма, несмотря на его крикливый антикоммунизм, недостаточно ясны. Возможно, им манипулируют те же силы.

В июне 1977 года в Турции состоялись досрочные выборы, на проведении которых настояла НРП. Они принесли ей относительную победу. К этому времени НРП приняла новое название — Социал-демократическая партия Турции и обратилась в Бюро Социнтерна с просьбой о принятии ее в Социалистический Интернационал. Эджевит сформировал правительство только в декабре 1977 года. Террор тем временем продолжался: в 1978 году погибло 832 человека. В декабре 1978 года весь мир потрясли события в городе Кахраманмараше, где боевики напали на митинг активистов левых партий и убили 130 человек. Москва воспользовалась этой трагедией, чтобы заговорить о легализации компартии Турции и необходимости «объединения прогрессивных демократических сил, выступающих против угрозы фашизма»⁸. «Мода на антикоммунизм прошла и утратила влияние на массы», — писала в это время газета «Миллиет»⁹. Сам Эджевит утверждал, что «Советский Союз не является угрозой для Турции» и что он «не проявлял никаких агрессивных поползновений против Турции»¹⁰.

В июне 1978 года Эджевит подписал в Москве Документ о принципах добрососедского и дружественного сотрудничества между СССР и Турецкой республикой, который, по оценке Брежнева, расширил рамки этого сотрудничества и распространил его на сферу политическую. Одновременно с этим произошло охлаждение в отношениях между Анкарой и Вашингтоном. Анкара осудила соглашение в Кемп-Дэвиде, демонстративно установила официальные отношения с ООП, запретила размещение на своей территории американского электронного оборудования для слежения за СССР и его спутниками. Но террор от этого не пошел

⁸ ААС, 1980, № 10, с.18.

⁹ Milliet, 16.5.1978.

¹⁰ Ibid., 15.9.1978.

⁶ «Правда», 23 июля 1976 г.

⁷ Adelphi Papers, No. 164, p.35.

на убыль. В 1979 году Эджевит ушел в отставку. Его преемник С.Демирель повернул руль политики резко вправо. Все параметры советско-турецких отношений подверглись основательной ревизии. Советское вторжение в Афганистан вызвало отрицательную реакцию турецкого правительства, Турция бойкотировала XXII Олимпийские игры, продемонстрировала стремление (под влиянием советско-сирийского договора о дружбе и сотрудничестве) к укреплению южного фланга НАТО и проявила инициативу в нормализации отношений с Грецией. Советская печать отнеслась к этим действиям явно враждебно, но тон был сдержанный. Было сказано о «стремлении Турции к сближению со странами Запада чуть ли не любой ценой». Зато Эджевит в выражениях не стеснялся: он обвинял Демиреля в «оголтелом антисоветизме» и в стремлении возродить атмосферу холодной войны.

Военный переворот 12 сентября 1981 года

Террор левых вновь привел в движение военную машину Турции. О возможности нового военного переворота мировая пресса заговорила еще в начале лета 1980 года. Положение действительно стало нетерпимым: по официальным данным, лишь за первую половину 1980 года от рук террористов погибло 1400 человек (в 1979 году — 1200). 19 июля 1980 года был убит бывший премьер-министр Н.Эрим. Ответственность за этот акт взяла на себя лево-экстремистская организация Дев-Сол, отомстившая Эриму за введение смертной казни и сотрудничество с военными. За первые 5 дней сентября 1980 года террористы убили 100 человек.

В ночь с 11 на 12 сентября вооруженные силы отстранили от власти кабинет С.Демиреля, лидеры всех политических партий и члены парламента были арестованы. Начальник генштаба генерал армии Кенан Эврен, назначенный главой государства, обращая к народу утром 12 сентября, заявил, что армия взяла власть, чтобы «помешать тем, кто исповедует фашистскую и коммунистическую идеологию, а также религиозным фанатикам разрушить Турецкую

республику»¹¹. Семь месяцев спустя в интервью корреспонденту журнала «Ньюсуик» генерал сказал, что летом 1980 г. над Турцией «нависла угроза гражданской войны»¹².

Советская реакция на события 12 сентября внешне была спокойной. За последние 20 лет такие события повторялись трижды — и они не помешали улучшению советско-турецких отношений. Турецкая пресса позже отметила спокойный и доброжелательный тон советских комментариев. Советская печать выделила то место в выступлении К.Эврена перед журналистами, где говорилось: «Наше искреннее желание — поддерживать хорошие отношения и взаимовыгодное сотрудничество со всеми нашими соседями. Советский Союз занимает особое место среди наших соседей как держава, на которой лежит большая ответственность за поддержание и укрепление мира и безопасности в мире»¹³.

Но первый развернутый анализ событий 12 сентября был сделан «Правдой» лишь 30 октября 1980 года в статье, посвященной дню провозглашения Турецкой республики. Выступление армии расценивалось как необходимый и полезный шаг, благодаря которому волна терроризма в стране уже заметно спала. Вина за террористические акты возлагалась на неофашистскую ПНД и ее лидера А.Тюркеша. Касаясь внешнеполитических заявлений нового турецкого руководства, «Правда» отметила, что внешняя политика, «судя по всему, в целом останется без изменений».

Другие советские органы печати выражали надежду, что натовские связи Турции будут постепенно ослабляться, и советовали новому турецкому руководству сойти «с опасного пути капиталистической интеграции» и отказаться «от помощи с двойным дном»¹⁴. В январе 1981 года «Новое время» с тревогой отметило, что «угроза США и Запада» возымели некоторое влияние на политику Турции, где вновь стали раздаваться голоса, «твердя-

щие о мифической советской угрозе»¹⁵. Дело в том, что в декабре 1980 года в турецких газетах были опубликованы материалы, свидетельствовавшие, что нити от террористических организаций тянутся к союзникам СССР. Газета «Миллиет» привела факты того, что армянские террористы прошли подготовку на базах ООП в Сирии и Ливане под руководством либо советских, либо сирийско-палестинских инструкторов, подготовленных в СССР. В начале марта 1981 года газета «Теркуман» сообщила о тревожном положении в пограничной с Сирией провинции Хаттай, где активизировались сепаратисты, требующие присоединения Хаттая к Сирии. Активисты движения, арестованные турецкой службой безопасности, подтвердили, что СССР поддерживает притязания Сирии на Хаттай и причастен к сепаратистскому подполью в этой турецкой провинции.

Оценив эти и многие другие факты, военные сочли опасным даже ограниченное ослабление связей с НАТО и США. В январе 1981 года был ратифицирован подписанный еще в марте 1980 года турецко-американский договор о совместной обороне, по которому США получили право в течение пяти лет пользоваться двенадцатью базами на территории Турции. Реакция Москвы была недвусмысленной: Анкару предупредили, что подобные действия «направлены против северного соседа Турции — Советского Союза»¹⁶.

Однако отношение Кремля к Турции оставалось традиционно сдержанным. 16 марта 1981 года в газетах появились поздравительные телеграммы Брежнева, Тихонова и Громыко турецким руководителям по случаю 60-летия первого советско-турецкого договора. В Институте востоковедения АН СССР состоялась научная сессия, посвященная этому договору, на которой присутствовал посол Турции в СССР. Тот, кто знаком с «символикой» внешней политики СССР, поймет смысл подобного внимания к стране, не только не

¹¹ The New Republic, 10.10.1980, p.13.

¹² Newsweek, 6.4.1981, p.56.

¹³ «The Pulse, A daily Review of the Turkich Press, № 4301, Sept. 17, 1980.

¹⁴ Ibid., No. 4301, 17.9.1980, p.2.

¹⁵ В.Подлесный. Турция: новая ситуация. — «Новое время», 1980, № 43, с.9.

¹⁶ А.Ахмедзянов. Турция: надежды и перемены. — «Новое время», 1981, № 4, с.12.

числящейся среди «братских» или дружественных, но являющейся, к тому же, членом НАТО.

Наконец, 19 апреля 1981 года в «Известиях» появилась статья «Город надежд», посвященная «первенцу турецкой алюминиевой промышленности» — Сейдешехирскому заводу, построенному с помощью СССР и помогающему «округе в решении проблемы занятости». Автор цитировал слова министра промышленности и технологии Турции о том, что построенные с помощью СССР предприятия являются «монументами советско-турецкого сотрудничества». Но если учесть, что свыше 300 рабочих и инженеров завода проходили практику в СССР и «в отдельных цехах (они) в разговоре переходили на русский язык», то эти «монументы» выглядят не столь уж безопасно. Ведь подобные сооружения стоят и вдоль того пути, что привел Афганистан к его нынешней трагедии.

Новые времена — новые мотивы

Статья, впрочем, относилась к уже пройденному этапу в советско-турецких отношениях. Последующие события показали, что в Москве поняли: на сей раз армия не удовлетворится, как прежде, половинчатым решением, она намерена коренным образом изменить социально-политический климат в стране. Эти прогнозы подтвердились в конце 1981 года, когда в Турции началось обсуждение проекта новой конституции. 7 ноября 1982 года состоялся референдум, на котором она была утверждена. Одновременно президентом страны стал К.Эврен. Советская сторона оценила конституцию негативно, так как она ставила препятствия распространению левого экстремизма. На самом деле турецкая армия решила перестать мириться с тем, что естественное стремление турецких трудящихся улучшить условия своей жизни используется антинациональными элементами в интересах иностранной державы, планирующей превращение Турции в еще одну Финляндию.

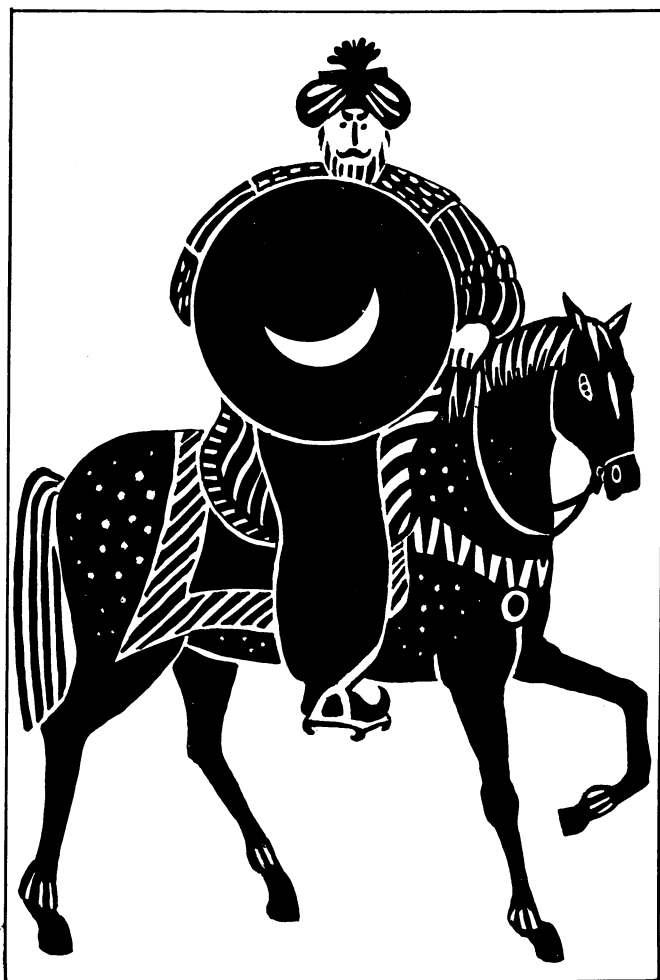
Парламентские выборы 6 ноября 1983 года завершили переходный период (1980-1983), во время которого военные оформляли основные институты режима, проявляя при

этом понятную осторожность во внешней политике. Военному режиму пришлось возобновить политические консультации между Турцией и СССР, согласиться на новую долгосрочную программу научно-технического сотрудничества, отказать США в размещении на территории страны ретрансляторов радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». Но в то же время в ноябре 1982 года был подписан абсолютно немыслимый прежде американо-турецкий «Меморандум доверия».

После выборов режим почувствовал себя намного увереннее. Благотворные результаты событий 12 сентября были налицо. Террор перестал угрожать безопасности государства. К власти пришло правительство, которое возглавил крупный экономист Тургут Озал, автор плана оздоровления экономики Турции. В экономике наметились позитивные тенденции. В результате власти перестали церемониться с просоветскими силами в стране. Начался также судебный процесс руководителей Общества

сторонников мира Турции (ОСМТ), которым было предъявлено обвинение в «подрывной коммунистической пропаганде и попытках свергнуть насильственным путем существующий строй». Впервые в истории созданное и направляемое Москвой движение сторонников мира получило недвусмысленную и справедливую оценку. В обвинительном акте по делу ОСМТ говорится о «марксистской концепции мира», о «просоветской ориентации» движения, о получаемых им директивах из Москвы и о его стремлении «покончить с блоком НАТО», «создать фронт солидарности с социалистическими и коммунистическими восстаниями и установить в Турции "пролетарскую власть"». Попытки обвиняемых опровергнуть эти обвинения были беспомощны.

Судя по недавним статьям советской прессы, решительные меры турецких властей против своей «пятой колонны» Москве не нравятся. Советско-турецкие отношения вновь приобретают негативные очертания. ■

Кинематограф Отара Иоселиани

Семен Черток

*Семен Черток —
критик, журналист,
автор книг и статей
по советскому
искусству,
литературе
и кино.
С 1979 года
живет в Израиле.*

Не знаю в советском кино никого, к кому официальные инстанции и зрители относились бы так же противоречиво, чья судьба была бы так же парадоксальна, как у Отара Иоселиани. Я пишу о его творчестве в прошедшем времени, так как ограничиваюсь тремя снятыми в Грузии и вышедшими на экраны полнометражными лентами. В 1980 году начался новый, «заграничный» период его творчества: «невыездному» режиссеру разрешили работать во Франции, и он снял в Париже телевизионную новеллу, а затем фильм «Любимцы Луны». Этот период, отличный от предыдущего, еще не окончен, и о нем надо писать отдельно.

Непрерывность народной жизни

Начальство его не любило, но уважало — за несуетность и неподкупность. Международный успех — премия критиков Каннского фестиваля 1968 года за «Листопад», премия за «лучший иностранный фильм» — за картину «Жил певчий дрозд» на фестивале в Италии в 1970 году, премия критиков на Берлинском фестивале 1981 года фильму «Пастораль» — присвоило себе государство как «достижения многонационального советского искусства», карьере режиссера они не помогли. Мастера, стоящего в одном ряду с А.Тарковским и М.Хуциевым, его никогда не избирали ни в какие кинематографические пленумы и правления, но мирились с тем, что и на всесоюзных, и на

международных кинофестивалях он неизменно оказывался в центре внимания зарубежных гостей и приходилось в маленьких служебных просмотровых залах показывать его ленты. Только о них потом и говорили.

Смешно было бы представить себе Отара Иоселиани выступающим с трибуны официального собрания — разве что только с бокалом вина в руке — но никто не решался закрывать перед ним двери, когда он, никем не приглашенный и не «аккредитированный», приходил на эти собрания — встретиться с друзьями и увести их в рестораны. Стиль его поведения отличался от общепринятого казенного, и это шокировало и раздражало начальство, но Иоселиани прощалось то, за что другой давно погорел бы.

Следующая его заявка на фильм, как правило, принималась, утверждалась денежная смета, и, пока шли съемки, беспокойный режиссер исчезал из поля зрения, а потом начинался многомесячный, а то и многолетний прием картины, ей не давали прокат, режиссеру не платили постановочные, но подлинные причины никогда вслух не назывались.

Они заключались не только в таланте, не похожем, как всякий настоящий талант, ни на какой другой и пугавшем возможностью подвоха, аллюзий, двусмысленностей. Главное в том, что, в отличие от картин, преподносящих в форме кинорассказа последние постановления или указания ЦК КПСС, все фильмы Иоселиани от-

личает очевидная аполитичность, асоциальность. Они не связаны с событиями, которыми «живет партия и народ», но в них нет и опасных намеков, за которые легко уцепиться, чтобы обвинить в антисоветчине. Зато в них есть не формулируемая, но ощущаемая мысль о вечной жизни народа, пережившего за свою долгую историю и иностранное иго, и разорения, и национальное угнетение, и сумевшего сохранить себя таким, каким он теперь предстает с экрана. Кроме того, от советских кинематографистов постоянно требуют обращения к современности, а Иоселиани только это и делает. И начальство не может вслух сказать, что он делает это не так, как ему — начальству — хотелось бы. Оно ведь приветствует национальную форму лишь в том смысле, в каком монархи приветствовали депутации «диких» народов в папах с кинжалами за поясом, приезжавшие в Петербург свидетельствовать преданность «белому» царю. В советское время их заменили «декады литературы и искусства» — вожди на правительственных трибунах аплодируют лезгинкам, гопакам, акынам и ашугам — давно умершей традиции восьмидесятих годов прошлого века, выдаваемой за современную народную жизнь. Начальство насторожилось, когда на экране появился реальный, современный, деклассированный русский рабочий класс в комедии «Афоня», снятой грузином Георгием Данелия, — это было не часто встречающееся русское национальное кино. Зато оно приветствовало его же комедию на грузинском материале «Не горюй!», снятую туристом для туристов и являющую собой эрзац, модификацию грузинской фактуры под французский кинематограф. В фильмах Иоселиани точное, пропущенное через собственную биографию знание фактуры грузинского материала. В них нет не только этнографии, но и внешних примет «советского образа жизни» — лозунгов, транспарантов, пионерских галстуков. Режиссер показывает не патриархальную, почти исчезнувшую, жизнь и не внешнюю ее оболочку, он демонстрирует словно подсмотренное со стороны, не слишком организованное сюжетно течение современной городской или сельской жизни с ее повседневными мелочами, незначительными реп-

ликажи, житейской прозой, составляющей ее суть. И это создает ощущение непрерывности народной жизни. Фабула для режиссера менее важна, чем наблюдение за ловом рыбы на берегу пруда, катание на лодке, фотографирование у базарного пушкаря, где нужно просунуть голову в прорезь роскошного панно, изображающего «князей» в папах, с кинжалами и наполненными вином рогами.

Для советских зрителей, воспитанных на сюжетных историях с героями, побеждающими врагов, кинематограф Иоселиани непривычен и труден. Его фильмы охотно смотрят и обсуждают в кино клубах, университетах и научно-исследовательских институтах, а в широком прокате они поначалу проваливаются. Зато спустя несколько лет, попадая в кинотеатры повторных фильмов, собирают полные залы: зрители идут «на Иоселиани», как ходят в театры на «звезду». Правда, его самого на экране нет, но зрители понимают, что фильмы эти авторские.

Мне всегда казалось, что Иоселиани и его кинематограф выжили и выстояли в СССР благодаря принадлежности к Грузии. Обостренное национальное чувство грузин защищает своих художников и от собственных, и от пришлых гонителей. Имя Иоселиани вызывает у грузинской интеллигенции чувство гордости. Лишенный экономической и политической самостоятельности народ может отстаивать свою самобытность на единственном возможном поле боя — культуры. И победа на этом поле важна даже для дрожащих перед Москвой партийных бюрократов. А московское кинематографическое начальство должно до известной степени с этим считаться и находить спасительную лазейку в ссылках на «национальную специфику» и «мнение грузинских товарищей».

Современная грузинская интеллигенция, впитавшая и национальную, и русскую, и мировую культуру, начала складываться в прошлом веке. Отец будущего режиссера Давид Иоселиани в начале нынешнего века был послан в Петербург в военное училище, а после революции как «бывший» пять раз арестовывался и бежал, когда его везли на расстрел: столкнул лбами и скрутил конвоиров. Грузинский знал так, как говорили в детстве в

его деревне, а русский и французский в совершенстве, и передал любовь к ним сыну. Я видел отца Иоселиани один раз у них дома. Глубокий старик сохранил военную выправку, остроумие и традиционное хлебосольство. Он угощал вином и сыром «сулгуни», которые привезли бывшие односельчане, чтившие своего «князя».

Путь режиссера

Единственный его сын занимался графикой и живописью, окончил дирижерско-хоровое отделение музыкального училища и курсы композиции при консерватории, но не стал ни художником, ни музыкантом, ни композитором, а поступил в Московский университет на механико-математический факультет. И после третьего курса ушел в институт кинематографии. Через много лет объяснил мне это так: «Всякое искусство близко к математике, в нем так же много иррационального и так же важен момент интуиции».

В 1961 году Отар Иоселиани окончил ВГИК — первые полтора года учился у Александра Довженко. Начал с экранизации прозы Александра Грина: снял небольшой фильм по его рассказу «Акварель». Нищая прачка и ее муж, бездельник и пьяница, вечно ссорящиеся, ненавидящие друг друга и свою жалкую, грязную, неустроенную жизнь, случайно попадают на художественную выставку, где видят акварельный рисунок дома, в котором снимают комнату. Казалось, мастер перенес на холст все в точности: заросшую плющом стену, клен и дуб, между которыми прачка протягивала веревки, яму среди кустов и даже валяющуюся на земле банку из-под консервов. Но было в картине нечто такое, что они не могли выразить словами, а лишь смутно чувствовали, и это нечто заставило их проникнуться красотой, смягчило ожесточившиеся сердца.

Начинающий режиссер много изменил в рассказе, сделав фильм жестче, лаконичнее. Но уловил и передал главное — дух притчи, упрямой за подробностями быта, притчи о человеке перед лицом искусства.

Затем режиссер рассказал с экрана еще одну аллегория — «Песню

о цветке» («Саповнэла»). Это были коротенькие истории о цветах, которые люди выкорчевывали, заливали асфальтом, пытались заключать в горшочки. А цветы хотели быть сами собой, красотой, которой можно любоваться, но которую нельзя утилизировать. Это было сложное ассоциативное соединение грузинской музыки с цветком. Ранний период поисков завершил первый полнометражный фильм Иоселиани «Апрель». Я не был тогда знаком с постановщиком и не видел картину, а ее положили на полку, и она исчезла. Могу лишь передать то, что сказал мне о ней автор: «Она была о том, как жажда приобретательства убивает в людях хрупкие и нежные чувства — способность радоваться, грустить, то есть, иначе говоря, способность жить». К этому можно добавить, что коррупция среди республиканского и партийного начальства достигла тогда в Грузии таких размеров, что ленту восприняли как намек, и надежды выйти на экраны у нее не было. Может быть, именно это обстоятельство определило жизненный поворот автора: Иоселиани ушел работать горновым в доменный цех металлургического завода, ушел **инкогнито**, не открывая своей настоящей профессии.

Несколько месяцев он провел в рабочей среде, живя по ее законам и ее интересами. Однако захлестнувший его поток новых впечатлений и ощущений требовал выхода, и он стал вести дневник, рассчитывая потом сделать его основой фильма. Затем, уйдя с завода и устроившись матросом на рыболовецкий сейнер, он сдал дневник на студию. Но пока Иоселиани находился в плавании, его записи попали в газету, и она часть опубликовала. Когда он снова приехал на завод, его товарищи — рабочие, обиженные за обман, разговаривали с ним официально, на «вы». С трудом удалось восстановить прежние отношения. Тогда и был снят фильм «Чугун», так не похожий на казенный оптимизм лент о труде рабочих. Документальная картина показывала, как изнурителен, труден, грязен труд рабочих-доменщиков. С «Чугуна» для Иоселиани начался перелом. Если до этого его фильмы не опирались на конкретность, то теперь прямой анализ

стал ему интереснее аллегорий и притч.

Кинематографический мир загворил об Иоселиани после полнометражного художественного фильма «Листопад». В нем не было ни драматичной фабулы, ни необычного материала, ни остроты конфликта, ни оригинальности характеров. Было редкое умение автора делиться своими мыслями и чувствами на истинно кинематографическом языке, языке пластики и звуков. Фабульная суть: столкновение кодекса мужчины с непохожей на этот кодекс повседневностью. Действие происходит на заурядном патриархальном винном заводе, построенном еще в прошлом веке и с тех пор не слишком изменившемся. Все воруют и врут, и дирекция приказывает пу-

Фильмы Иоселиани отличает очевидная аполитичность, асоциальность.

стить в розлив вино из недозревшего бута № 49. Экран населен людьми, покорными судьбе и обстоятельствам, или теми, кто рад случаю поживиться. Попавший сюда молодой парень Нико оказался единственным, кто наперекор всем стал возражать. С точки зрения окружающих, его шаг безумен, он перекрыл вентиль и залил в бут раствор желатина, теперь волею неволей приходится ждать, пока вино отстоится. Идет серия случайных зарисовок: директор завода гоняет бильярдные шары, Нико — мяч, на опустевшей деревенской веранде пустые граненые стаканы изпод вина, женщины собирают для мытья посуду. И лишь в финале долгий неподвижный кадр: храм в горах. Житейская проза и вечность, складывающаяся из текучих, ускользающих мгновений. Рассказ Иоселиани льется свободно, как дыхание, и за каждым кадром присутствует рассказчик и его ощущения — его нежность, его ироническая улыбка, его грусть.

Картина долго лежала на полке. Принятая в Москве почти на «ура», она вызвала злобу в Грузии как намек на общереспубликанское воровство, первый секретарь ЦК КП республики Мжаванадзе сам позвонил в редакцию центральной газе-

ты, чтобы не печатали хвалебную рецензию, и это стало известно всем. Когда редактор спросил о причине, партийный босс сказал: «Фильм антисоветский. Вы обратили внимание на номер бочки? 49! А сейчас 49-я годовщина революции». Но советские же порядки и помогли. Через три года Мжаванадзе сняли с работы за воровство, а об Иоселиани было сказано, что он первым не побоялся вступить в борьбу с этим злом, за что и пострадал, его фильм соответствует последнему постановлению ЦК о недостатках политической работы в Грузии, и картина увидела свет, а режиссер получил причитающийся ему гонорар.

История певчего дрозда

Следующая картина «Жил певчий дрозд» окончательно укрепила репутацию Иоселиани как одного из талантливейших кинематографистов наших дней. Она тоже не в сюжете, а в кинематографических образах, и еще более музыкальна — в определенном ритме появляются новые лица, эпизоды, кадры, каждый из которых несет свою тему, они переплетаются, складываясь в картину жизни.

По жанру это — героическая комедия или комическая драма. Проблема древняя, как мир, — исполнение человеком своего предназначения на земле. Профессиональная принадлежность героя не суть важна. В данном случае это молодой музыкант, барабанщик в оркестре. Он мог быть ученым, агрономом или фрезеровщиком. Его нельзя не полюбить — безалаберного и собранного, ветреного и верного, везде и всюду опаздывающего и в общем-то всегда поспевающего, подвижного, как ртуть, и валящегося с ног от усталости, веселого и невероятно грустного, всеми осуждаемого и всеми любимого. По логике собственных поступков он действует как будто совершенно правильно. Беда же его и трагедия в том, что все его порывы и лихорадочные метания от одного дела к другому, накопившись, в сумме выливаются в полную бездеятельность. Он живет предельно свободно и раскованно, как Бог на душу положит, а в результате не успевает осуществить самое главное — музыка, которая слышится ему как

художнику, остается ненаписанной. Он уходит из жизни, не выполнив своего истинного человеческого призвания, не реализовав настоящих ценностей, заложенных в его душе: он пустил свой талант по ветру.

Один день у него похож на другой: визиты, встречи, такси, улицы, перекрестки, разговоры на лестничных площадках, в коридорах учреждений, разговоры шуточные, легкие. Каждому улыбнуться, каждому подмигнуть, каждого хлопнуть по плечу — и дальше («я побежал»). Лица, приветствия, чужие дела, чужие рассказы, любезности, сопровождать кого-то идущего по своим делам, звонить по телефону без цели, быть обязательным, острым на слово, ироничным... усталым.

Друзья героя живут по принципу «делу время — потехе час». Вот этот «потехе — час» и разделяет Гия со своими товарищами. Если у кого есть желание повеселиться, развеяться, поговорить по душам или в праздной задумчивости посидеть за бутылкой вина — первый, о ком вспоминают, — Гия: понятливый собеседник, неутомимый собутылник. Ему обычно недостает духу отказать кому-нибудь: напротив, он даже чувствует особую радость, махнув рукой на все дела, погрузиться в атмосферу умиления и пьяной ясности мыслей в доверительных застольных беседах. На другой день хирурги возвращаются к своим операциям, микробиологи возятся с бактериями, часовщики чинят часы, фотографы фотографируют, окулисты осматривают глазное дно пациентов. Но, когда Гии не стало, оказалось, что всем им его не хватает. Фильм не делает выводов, не рекомендует, как надо жить, и не говорит, кто из персонажей басни Крылова — стрекоза или муравей — прав. Он не разрешает проблему, а заново ставит ее.

«Жил певчий дрозд» — самый «смотрибельный» из трилогии — привлёк широкую аудиторию, хотя в нем нет занимательной интриги, тайн, неожиданностей, невероятного разрешения сюжетных коллизий, острого конфликта. Система сюжетосложения показывает жизнь как бы в ее нормальном, привычном течении, не нарушен-

Кадр из фильма «Жил певчий дрозд».

ном никакими исключительными обстоятельствами. Интерес вызван тем, что драматургический рисунок фильма определяется характером главного героя, живущего свободно и хаотично, драматургия следует за его поступками и оказывается такой же свободной и раскованной. Камера наблюдает за спокойной и суетливой жизнью героя, не вмешиваясь в нее и не ломая ее привычного течения. Но, давая жизненному потоку развиваться на экране предельно свободно, автор обращает внимание зрителей на какие-то важные для себя детали, помогает сопоставлять поступки, сравнивать поведение героев. Внешне сюжет просто движется по времени, а по существу все строится на том, что в каждом эпизоде герой попадает в новую среду и благодаря этому по-новому раскрывается. А это вызывает зрительский интерес: как он ведет себя с родителями? как общается с друзьями? как говорит с начальством? каков он в общении с незнакомыми людьми? в работе? наедине с собой? Движение сюжета в том, что автор как бы медленно обходит героя со всех сторон, внимательно присматривается к тому, как он держит себя в разной обстановке с разными людьми. Конфликт же возникает на пересечении двух движений: с одной стороны, герой с определенными жизненными устремлениями, с другой, мощный поток жизни, в который герой попадает. От эмоциональной вялости, которая могла бы появиться при таком дра-

матургическом построении, избавляет краткость фильма и лаконичность каждого эпизода, быстрый темп.

Завершение трилогии

Трилогию Иоселиани завершает «Пастораль». Завершает в формальном смысле, в смысле поисков чисто кинематографической формы, избавляющейся от литературных атавизмов, — героев, сюжета, действия. Название картины несколько иронично по отношению к тому, что в ней показывается. Действие происходит в деревне, и фильм рассказывает о тех, кто в ней живет. Показывает, что крестьянин, над которым смеются, когда он попадает в другую, непривычную для него сферу жизни, прекрасен на своей земле, занятый своим делом. Как лебедь, который в воде красив, а на берегу уродлив и еле ковыляет. Здесь крестьянин в той ситуации, где он мил и естественен, где его привычки и инстинкты оправданы. В деревню приезжают на лето городские музыканты. Но не у них, а у крестьян, внешне грубых, есть чуткость и душевная тонкость, вытекающие из их отношения к жизни. Это не следует из действия, это ощущается.

В «Пасторали» находят завершение формальные поиски, которые начал Иоселиани в первых частях трилогии. Все актеры здесь — непрофессиональные. Профессиональный актер — смерть для того кинематографа, которым занима-

ется Иоселиани: он не может в картинах режиссера передать течение жизни, ибо лишен ее естественности в ту секунду, когда его снимают, — у него отсутствует даже то стеснение, которое присуще любому человеку, когда на него направлена камера. Во всех своих фильмах Иоселиани прибегал к помощи непрофессионалов, в «Пасторали» нет ни одного профессионального актера.

Картина, если можно так выразиться, алитературна и потому, что, хотя в ней очень много говорят, смысл выражен не в диалогах, а в самом изображении и звуковом ряде фильма. В некоторых эпизодах речь и диалоги непонятны — они несут функцию шумового фона, а некоторые реплики использованы не столько для сообщения какой-нибудь важной для действия информации, а просто в качестве рядового компонента звуковой композиции картины. Таким образом, и речь героев, и шумы, и музыка в фильме равноправные элементы.

Если смысл первых двух картин, хотя с натяжками и с потерями, можно было объяснить словами,

то в «Пасторали» он выражается лишь кинематографическими средствами. Поэтому словесное формулирование оказалось бы плоскостным. Иоселиани пытается разговаривать со зрителем на простом и, как он надеется, всем доступном языке кинематографа, ничем не засоряя его. То есть, сделать понятным все происходящее при помощи жеста, взгляда и звука, не прибегая к помощи слов. Из всех способов, с помощью которых общаются люди, — звука, жеста, движения, взгляда, прикосновения и т.д., — для него слово является самым поверхностным. А наиболее выразительной формой передачи зрителю авторских мыслей и чувств Иоселиани считает тот вид кинематографа, который прежде всего ориентируется на пластический и звуковой образ. Он стремится к тому, чтобы в кинематографе все было понятно без информации, которую несет слово.

Иоселиани очень редко снимает фильмы: трилогия создавалась двенадцать лет. Начинает работать, только когда в нем созрело что-то, что требует выхода. Он не в состо-

янии, закончив картину, заняться следующей: ее еще нет в голове.

Фильмы рисуют образ автора. Трилогия Отара Иоселиани создает образ художника, верного своим героям. Она относится к редчайшему и осуждаемому в СССР «искусству для искусства», как именуются произведения, не засоренные дидактикой и нравочениями. Но, поскольку их нет в фильмах совсем, поскольку автор не выступает ни «за», ни «против», картинам все же удается, хотя и с большим трудом и ограниченным тиражом, попадать на экраны. Главное в его фильмах не слова, а внешне сухое, бесстрастное, как бы со стороны, наблюдение за жизнью, ее конструирование с помощью любопытных и понятных с первого взгляда деталей — экран показывает, как люди сидят, ходят, смотрят, пьют, разговаривают, независимо от того, что они говорят. Это «чистое кино» — и в жанровом смысле, и в смысле его независимости от идеологических установок. В советском кинематографе это случай уникальный. В этом феномен грузинской кинотрилогии Иоселиани. ■

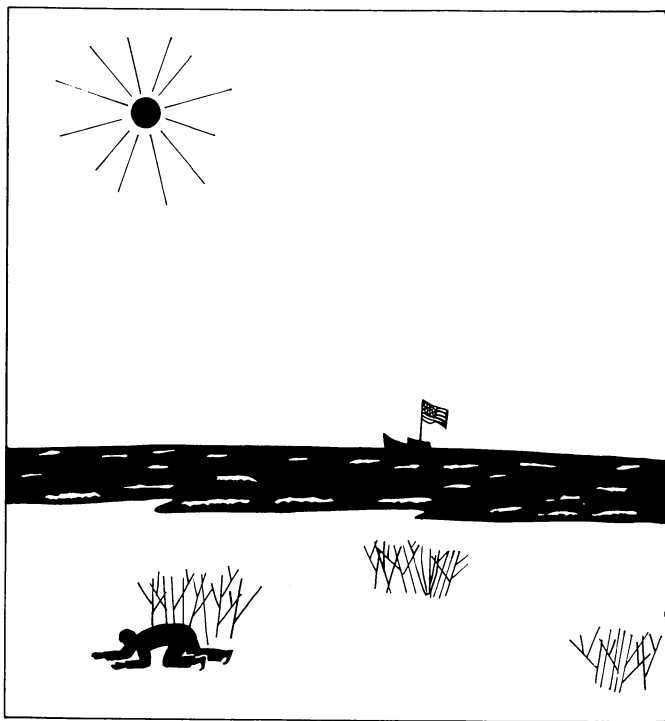
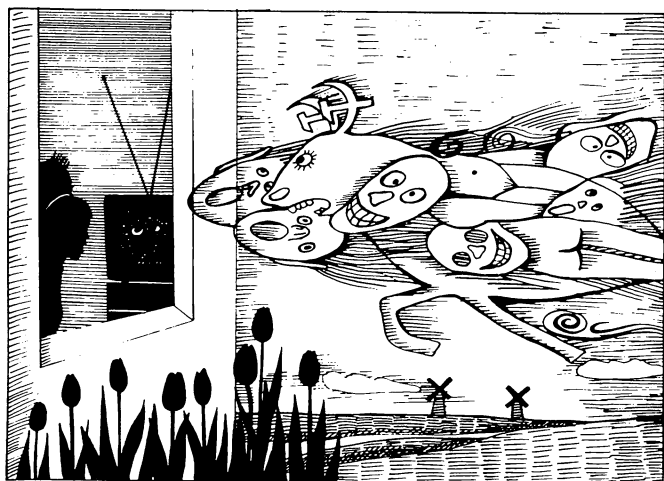
ПОЧТИ ЧТО ЮМОР

Антисоветская эротика

«Эротика, мистика, рок, насилие, тошнотворные ужасы — все это, гу-

сто одобренное хорошей порцией антисоветизма, им (голландцам) доставляют по телекабелю на дом».

(«Сов. Россия», 10.4.1984)

Нападут ли США на Англию?

«Я не боюсь, что на меня нападет Советский Союз, но я испытываю

большой страх перед Соединенными Штатами».

(Письмо из Англии — «Правда», 14.7.1985)

Разговор о музыке

Беседа Феликса Розинера с Марком Лубоцким*

Ф.Р. — Здесь, в Олдборо, в этом тихом городке на берегу моря, где жил до недавнего времени Бенжамин Бриттен и где проводятся фестивали, основанные композитором, меня не покидает ощущение, что мы пребываем в каком-то особом мире, несколько нереальном. Тишина, плеск начинающегося прилива, из окон старых зданий, где когда-то были мельницы, доносятся звуки скрипки или виолончели. Милые, совсем юные музыканты внимают своим наставникам — маэстро Лубоцкому и маэстро Фурнье. И Олдборо представляется мне чем-то похожим на Касталию — на эту чудесную фантазию Германа Гессе... Однако что он такое, мир этой музыки, на самом деле? Как этот мир — негромкий, интимный, пришедший к нам из далекого прошлого, — как этот мир существует сегодня, когда всюду — в гигантских залах, на стадионах, по радио и с экранов грохочет музыка совсем другая: масс-музыка, имеющая множество названий и обликов, — поп, рок, диско, — оснащенная сильнейшей электроникой, которая дает этой музыке невиданную звуковую мощь, превращает ее звуки в цвет и в движение,

и она, эта вооруженная по-современному Воительница-музыка, покоряет сотни тысяч людей. По сравнению с современной электронной музыкой древняя покровительница музыки Эвтерпа выглядит беззащитной Золушкой... Но вдруг этот грохочущий мир отступает куда-то — и на эстраде, перед небольшим притихшим залом, появляется одинокая фигура скрипача, он прикладывает к плечу негромкий свой инструмент, и скрипка — без микрофонов, усилителей, динамиков — начинает повествование. Марк Лубоцкий играет партитуру Баха... Как вы смотрите на эти две столь различные картинки?

М.Л. — Да, эти сопоставления не могут не прийти в голову и не могут не затрагивать нас, музыкантов. На мой взгляд, мы сталкиваемся здесь с некими стихийными силами, с чем-то, что возникает как результат труднообъяснимых, скрытых или более объяснимых причин. Нашествие поп-музыки — явление исторического характера, часть процесса развития культуры нашего века, и это следует принять как факт, как данность, против которой смешно было бы бороться. С чисто музыкальной точки зрения, масс-музыка приносит немало интересного, в ней есть и настоящие шедевры. Но в целом я определил бы это явление как нашествие сверхфизиологических экспериментов, подавляющих сферу не только слуха, но и сознания вообще. И как часть сегодняшнего бытия явление это оказывает на слушателя, а точнее на молодежь, скорее

отупляющее, а не то облагораживающее воздействие, которое всегда было связано с музыкальным переживанием. У всех этих крайних проявлений в мире массовой музыки есть, правда, одно свойство (недостаток оно или достоинство — зависит от точки зрения): они затрагивают сравнительно небольшой промежуток времени. А та музыка, которую мы зовем классикой, обладает жизнеспособностью, длящейся три, четыре, пять столетий, она и остается в веках как классика, то есть нечто бессмертное, вечно здоровое и потому необходимое человечеству. И эта музыка, вообще говоря, никак не противодействует своими обычными средствами тому, что стоит за поп-музыкой. Классика даже не сосуществует с ней, а существует сама по себе, хотя и можно отметить, что современные жанры серьезной музыки иногда вбирают в себя какие-то черты — элементы, находки, достижения поп-музыки, и они остаются в музыкальном искусстве как частички того нового, что дает культуре импульсы к развитию.

Ф.Р. — Как вы упомянули, мы можем проследить это развитие в музыке — если говорить о том, что звучит сегодня, — примерно за полтысячелетия. Сравнительно со всей историей человечества, историей современной цивилизации, это небольшой отрезок времени. Но, говоря о жизни музыкальной классики **во времени**, мы должны учитывать, что она всегда была весьма ограничена и **в пространстве**: это явление чистое европей-

* Феликс Розинер — писатель, автор 15 книг, в числе которых роман «Некто Финкельмайер», сборники рассказов и стихов, работы о музыке и искусстве. С 1978 года гражданин Израиля.

Марк Лубоцкий — скрипач. С 1976 года живет в Нидерландах. Профессор Амстердамской и Гамбургской консерваторий.

ской культуры, не затрагивающее другие культурные ареалы. Существует множество наблюдений, ставились даже своеобразные эксперименты, которые показывали, что европейская музыка создана, так сказать, «для европейцев», а людям других культурно-этнических ареалов она остается чуждой. Эти наблюдения соответствовали как будто тем, достаточно серьезным, утверждениям, что музыка обращена к самым глубинам человеческого сознания (подсознания), где запечатлены наиболее древние и неизменяемые свойства психики, связанные с происхождением человека, с племенем, с генетическими истоками. Немецкий композитор и педагог Карл Орф связывал элементарные звуковые сочетания, лежащие в основе конкретной музыкальной культуры, с теми речевыми интонациями, какие слышит ребенок, когда его зовет мать. Отсюда недалеко до вывода, что индоевропейской языковой культуре соответствует своя музыкальная система, китайско-японской — своя, а полинезийской — третья, и, как было сказано, «вместе им не сойтись». Но сейчас, на наших глазах, происходит нечто с этой точки зрения необъяснимое: японские, китайские, корейские музыканты обратились к европейской музыке и прекрасно ее исполняют. Скрипачи, виолончелисты, дирижеры, пианисты, родившиеся в азиатских странах, с блеском выступают в лучших залах Европы и Америки, талантливые молодые японцы и китайцы сильно теснят своих европейских и американских соперников на международных конкурсах, то и дело получая первые награды. Это феномен, подобного которому не было в прошлом.

М.Л. — Я рассматриваю это явление как огромный триумф европейской музыки. Она, действительно, молода, многое из того, что уже прочно вошло в нее, существует менее столетия, и вот эта музыка начинает завоевывать азиатскую аудиторию. Это свидетельствует о ее внутреннем существе, которое, вероятно, отражает не только европейские, но и более широкие, общие для всего человечества стороны мышления и эстетики. Почему это происходит сейчас? Эти страны, в частности, страны Дальнего Востока, совсем недавно

стали частью современного мира, в котором невероятно большую роль играют средства информации, в их числе звуковые, несущие музыку, — радио, телевидение, граммофонные, магнитные записи, а сейчас и видеозаписи. Со всей этой колоссальной звуковой информацией сталкивается человек совершенно особой культуры, особых традиций, вкусов и привычек, например, тот, кто воспитан на японском театре или на японской музыке, которые от европейских традиций отстоят весьма и весьма далеко. И вот этот человек выбирает и принимает европейскую музыку, — то, что для нас **кровное**, — принимает как свое, необходимое и достигает в процессе познания ее настоящих высот, действительно соперничая с европейцами и часто опережая их. Для европейцев классика — это что-то привычное, часто и надоевшее — «заигранное», — тогда как для не-европейских артистов она становится открытием целого мира, эмоционального и интеллектуального, достижением одной из вершин человеческого развития.

Ф.Р. — Все-таки, одно дело японский музыкант, выступающий в Европе и Америке, и совсем другое — слушатель в той стране, откуда этот музыкант приехал. Артист, в конце концов, человек профессии, и если он учился в европейской консерватории, то, раз его этой музыке учили, она стала, упрощенно говоря, его хлебом, и если артист талантлив, то он и играет ее на достаточно высоком уровне. Но это мало отражает то, что происходит у него на родине.

М.Л. — Об этом можно получить представление хотя бы по отчетам граммофонных компаний. Я знаю, например, что в Японии пластинки с европейской классикой расходятся колоссальными тиражами. Вдруг обнаруживается, что разошлось полмиллиона пластинок с музыкой Генделя. Огромным успехом пользуется у японских слушателей Берлиоз. И эти примеры можно продолжить. Япония сейчас переживает настоящий бум во всем том, что связано с европейской музыкой. И я думаю, что такой же бум распространился бы еще шире, если бы политическое лицо континентального Китая, Северной Кореи и Вьетнама было иным и люди могли бы пользоваться плода-

ми европейской культуры так же свободно, как и в Японии.

Ф.Р. — Того же можно пожелать и Советскому Союзу, куда «европейские плоды» поступают в ограниченном и строго отобранном ассортименте. Я хорошо помню, как на черном рынке фонофонистов платилось несколько сот рублей за пластинки с «Реквиемом» Берлиоза или с «Питером Граймсом» Бриттена. Потом, правда, советская «Мелодия» стала приобретать лицензии на изготовление тиражей пластинок со штампов иностранных фирм. Сколь это достаточно, трудно судить.

М.Л. — Во всяком случае, на «Мелодии» несколько энтузиастов — музыкальных редакторов в свое время начали по собственной инициативе это огромной важности дело. Благодаря этому в Советском Союзе стали известны очень многие из западных записей, хотя и при качестве пластинок не слишком высоким.

Ф.Р. — Мы с вами говорили о европейской музыкальной культуре, завоевывающей сейчас Восток. Полезно вспомнить, что и Россия впервые обратилась к европейской музыке всего лишь около двухсот лет назад. За этот срок русская музыка стала чрезвычайно плодотворной ветвью на древе музыки общеевропейской, и русская музыкальная классика является сейчас неотъемлемой частью мирового концертного репертуара. Но как воспринимает Запад новую русскую музыку, созданную за последние десятилетия? Например, Шостакович, который как будто за нас всех выговаривал в музыке то, что Россия не могла и не может высказать в слове: о трагедии зажатой в тиски режима стране, о насилии над интеллигенцией, о гнетущем страхе и, наконец, о творчестве, преодолевающем это все. Воспринимает ли Запад его музыку так же остро, как мы, соотечественники и современники композитора?

М.Л. — Этот вопрос связан с тем, к чему привело в СССР развитие музыкальной жизни за 60-70 лет. И не только музыкальной. Для нас искусство, музыка, литература — дело кровавое. Судьбы Мандельштама, Цветаевой, Ахматовой, происходившее с Шостакови-

чем и Прокофьевым — это не просто ряд некоторых событий. Мы знаем, чем там, в СССР, расплачиваются за стихи и за музыку. Поэтому для нас искусство — кровь и плоть человеческого тела. И мы не можем «просто так», для одного лишь удовольствия, прочесть стихотворение Мандельштама, сыграть квинтет Моцарта или сонату Шнитке. Для нас это жизнь и судьба не только автора, но и наша собственная тоже — исполнителей и слушателей, проживших жизнь в СССР. Да, Моцарт, Бах, Бетховен, Шуберт для нас тоже кровь, они тоже писали кровью сердца, но на Западе сегодня если это понимают разумом, то душой ощущают, как правило, мало. Мы часто наблюдаем, что исполнители стремятся прежде всего к перфекционизму, — а это такое явление, в котором исполнительский уровень может быть сколь угодно высоким, но при том, что гемоглобин и все, что ни есть в живой крови, почти отсутствует. Помните премьеру Тринадцатой симфонии Шостаковича? В Большом зале Московской консерватории тогда сам воздух был напоен событиями, сопровождавшими премьеру: Мравинский дирижировать отказался, а Кондрашин решил, кто-то из певцов побоялся, а другой — нет, сколько было угроз и давления со стороны властей! И когда в зале звучала музыка великого Шостаковича вместе со словами о Бабьем Яре, то тут было все: не только сама замечательная музыка, но и политическая акция, вызов тому антисемитизму, который затрагивал лично тебя и который в эти же самые минуты присутствовал в этом зале. Но что из всего этого может чувствовать, например, публика сегодняшней Вены, буржуазность которой мало изменилась со времен Моцарта, когда на музыканта смотрели сверху вниз, и если теперь это и не совсем так, то потому, что сейчас музыканты часто обладают положением, деньгами, славой...

Ф.Р. — Как-то в Москве вернувшийся после поездки за границу известный композитор в ответ на мои вопросы о его впечатлениях сказал такую, загадочно прозвучавшую фразу: «Там не было ощущения жути». Я удивленно спросил, что он имеет в виду. Ответил он так: когда в Москве он, композитор,

присутствует при исполнении своих сочинений, ему нередко становится жутко от того, что это он, его музыка так воздействует на людей, что они замирают, погруженные в глубочайшее переживание; тогда как в концертных залах Европы слышно и видно, как люди двигаются, вытаскивают носовые платки, читают программки. Разумеется, это нельзя трактовать упрощенно, так, что, мол, на Западе музыку воспринимают «меньше» или «хуже». Может быть, иначе: более «эстетически» и менее «сакрально», и, если так можно выразиться, не столь «социально» обостренно. И тут интересно было бы оценить, как Запад принимает исполнителей, прошедших сквозь «жизнь и судьбу» в Советском Союзе.

М.Л. — В этом можно увидеть несколько сторон. Прежде всего, на Западе высоко ценится советская исполнительская школа — скрипичная, виолончельная, фортепианная. Это общеизвестно. Затем, западный слушатель почувствовал, что у исполнителей из СССР есть богатая, глубокая традиция исполнения русской музыки, чем они выгодно отличаются от своих европейских и американских коллег. И можно сказать, что сложилась такая практика: от музыкантов, приехавших из Советского Союза, хотят слышать музыку Чайковского, Рахманинова, Скрябина, Шостаковича, Прокофьева, Шнитке. Свойственная русским музыкантам эмоциональность исполнения считается вполне оправданной относительно русской музыки и с некоторым недоумением, как «горячность», воспринимается при исполнении, положим, Баха, венских классиков или романтиков. Но всякое обобщение опасно...

Ф.Р. — ...и, например, ваши интерпретации сонат Баха, Моцарта и Бетховена такого недоумения не встретили, а напротив, принесли вам подлинное признание. Итак, мы вновь вернулись к фигуре музыканта, стоящего со своей хрупкой скрипкой на концертной эстраде, — сейчас, сегодня, где-то в Европе или Америке, перед лицом сотен, а то и тысяч слушателей, пришедших на ваш концерт. И вы, скрипач, и они, слушатели, являетесь нерасторжимыми участниками того процесса, который называется

музыкальной жизнью. Как она видится вам, сегодняшняя музыкальная жизнь? Чем она дышит? Меняется ли она от года к году, от одного десятилетия до другого, или это нечто довольно консервативное, и как ходили венцы двести лет назад слушать Моцарта, так ходят слушать его и сейчас?

М.Л. — На мой взгляд, в музыкальной жизни Европы и Америки происходят сейчас серьезные и разнообразнейшие процессы. Не все еще можно хорошо рассмотреть и оценить, трудно предвидеть влияние сегодняшних событий на будущее, но многое в них представляется мне чрезвычайно знаменательным. Например, еще совсем недавно мировая музыкальная жизнь была немыслима без регулярных гастролей таких американских оркестров, как Бостон-симфони, Филадельфийский, Нью-Йоркской филармонии, Кливлендский. Сейчас гастролы этих оркестров редки. И связано это отчасти с немусикальными делами: оркестры эти столь дороги, что устраивать их гастролы оказывается непосильным даже для самых влиятельных менеджеров, и американские оркестровые коллективы становятся все больше «вне игры» на музыкальной арене Европы. В то же время прекрасные оркестры продолжают функционировать. Говоря об этих оркестрах, американских и европейских, мы издавна привыкли связывать их с именами прославленных дирижеров — их создателей и постоянных руководителей, таких, как, например, Орманди, Селл, Бернштайн, Караян, Кондрашин.

Но время шло, старшее поколение дирижеров уступало место более молодым, и вот мы оказались свидетелями того, как произошел взлет целого ряда дирижеров весьма и весьма высокого технического уровня и больших музыкальных возможностей, но без тех глубоких индивидуальных свойств, без той поглощенности искусством, какие связаны с высшей традицией проявления в музыке подлинных человеческих переживаний, традицией, идущей от великих дирижеров недавнего еще прошлого — от Бруно Вальтера, Клемперера, Фуртвенгера, Бичема и Мюнша. Сейчас таких музыкантов остается все меньше и меньше, среди них следует назвать, в первую очередь, Бернштейна.

на, Аббадо и Джуллини. Чаще же мы видим во главе крупных оркестров перфекционистов, в которых основное — не ярко выраженная глубокая индивидуальность, а некий стабильный, общепринятый стиль исполнения, «удобный» и привычный для оркестрантов и для публики. Такие дирижеры, да и сами оркестры, стараются избежать конкуренции со стороны необычных, не стандартных дирижеров и стараются таких не приглашать.

Вообще говоря, конкуренция среди музыкантов была всегда, еще и во времена Баха и Моцарта, но сейчас это принимает такие формы, что оркестры обмениваются «информацией» друг с другом, и если, например, кто-то из гастролеров не рассчитал удачно свое поведение в процессе двух-трех репетиций с одним из оркестров, то это может лишить его приглашений на выступления с другими крупными оркестрами, может быть, по всей Америке. Это положение возникает из-за того также, что ведущие американские оркестры заняли странное, с точки зрения внешнего наблюдателя, место, став как бы государствами в государстве. Музыканты этих оркестров зарабатывают огромные деньги и поэтому чувствуют, что приобрели необычайное социальное и общественное положение, которое прежде людям этой профессии и не снилось. Казалось бы, это очень хорошо. Но результат таков, что музыкант крепко держится за свое место и, хотя работает много и поддерживает хорошую профессиональную форму, боится нового, боится перемен, не хочет нестандартных программ и всякого рода иных неожиданностей. Оркестры становятся коллективами, диктующими свою линию в подборе хорошо наигранного, отлаженного репертуара и в политике, касающейся приглашений солистов и дирижеров, что, все вместе, не должно выбивать из привычной колеи ни оркестрантов, ни публику. Приводит это к тому, что такие, вообще говоря, выдающиеся коллективы становятся музейными экспонатами, программы их, как близнецы, напоминают друг друга на протяжении периода двух-трех десятилетий, и за сезон они исполняют, может, два-три сочинения, которые хоть в какой-то степени являются «новыми».

Ф.Р. — У меня, примерно, такие же впечатления от программ Тель-Авивского филармонического оркестра, который принято считать одним из лучших современных коллективов. Но его музыканты отнюдь не «страдают» от последствий больших заработков, совсем наоборот. Оркестранты получают очень мало, а финансовое положение оркестра весьма нелегкое.

М.Л. — В Европе и, как вы говорите, в Израиле тоже оркестры постоянно испытывают материальные трудности. Это связано с общей экономической картиной и финансовой политикой правительства. Сталкиваясь с финансовыми проблемами, правительства стремятся сократить расходы прежде всего за счет учреждений культуры, затем уже образования, здравоохранения и т.д. И это в первую очередь сказывается на больших музыкальных коллективах — на оркестрах, оперных театрах, на консерваториях, которые «сокращают», «укрупняют», «реорганизуют», и в результате расходов оказывается не меньше, притом, что разрушительные последствия становятся непредсказуемо велики. Примерно это произошло сейчас в Голландии, где три хороших оркестра «слили» в один посредственный.

Ф.Р. — Я хотел бы уточнить: с одной стороны, американские оркестры, в которых музыканты имеют огромные ставки; с другой — европейские, которые убыточны и требуют субсидий. Верно ли я понял положение?

М.Л. — Оркестры всегда и везде убыточны и требуют субсидий. В Америке оркестры тоже существуют за счет спонсоров, чья лепта очень велика. Оркестры высокого — «престижного» — уровня не могут самоокупаться, и поэтому на них так болезненно сказываются материальные трудности в обществе. Вообще, приходится постоянно помнить о том, что сегодняшняя музыкальная жизнь неотделима от экономики, от бизнеса как такового. Менеджер — или импресарио, или, если хотите, музыкальный бизнесмен — заинтересован прежде всего в финансовой стороне дела. Это иногда приводит к грустным последствиям: скажем, в крупных концертных залах евро-

пейских столиц, например, Лондонском Альберт-холле, вмещающем около 5 тысяч человек, и который всегда посещают туристы из-за границы, в течение сезона по десять раз даются «Увертюра 1812 год» и Первый фортепианный концерт Чайковского или по пятнадцать раз «Лунная» и «Аппассионата» Бетховена, то есть апробированные сочинения, которые наверняка соберут публику и сделают концерт не убыточным, а в лучшем случае даже могут принести и большую прибыль. Таким образом, прежняя музыкальная жизнь, в которой участвуют прекрасные оркестры, большие солисты и дирижеры, где существует аудитория из подлинных ценителей и любителей музыки, словом, весь этот хрупкий и сложный процесс, развившийся вместе с развитием классики, претерпевает сегодня значительные изменения. Происходит и другое: так как мы живем в век звукозаписи, тиражирования исполнительского искусства, само это искусство строится уже на другой основе, чем прежде, и иными становятся наши представления о великом артисте как о явлении уникальном, неповторимом.

Ф.Р. — Грустное заявление в устах такого музыканта, как вы!

М.Л. — Оно не грустное. Оно не говорит о чем-то плохом или хорошем. Дело в том, что экономические и социальные причины, колоссальное развитие средств записи, размножающих исполнение знаменитости в миллионных тиражах, приход этой знаменитости в каждый дом — все это несет на себе следы девальвации, — девальвации индивидуальности при триумфе техники не только в производстве звуковой записи, но и в производстве звука самим артистом. Идет процесс распространения стандартизации и перфекционизма в сферах качества звучания и интерпретации. Но ведь это само по себе абсурдно, поскольку говорит о какой-то «эталонности», тогда как искусство исполнения неотделимо от разнообразия и оригинальности. А сейчас мы имеем дело с несколькими интерпретациями каждой из известных симфоний и сонат, и к этим эталонам не только привыкла публика, но и обращаются моло-

дые исполнители, которые играют так, как слышат это с пластинок. Многим это явление не мешает, но те, кто проявляют исполнительское своеобразие, сталкиваются с известной рутинностью, поскольку публика, и часто критика, хочет эталонности и от них, и это ловко используется менеджерами: они культивируют коммерческую музыку на нескольких известных эталонных именах. Однако классическая музыка, здоровая сама по себе, видимо, справится и с этим явлением, подобно тому, как здоровое общество и здоровый человеческий организм справляются со своими болезнями. Повторяю, что тенденции, которые возникают сейчас, нужно оценивать с разных сторон, их нельзя обрисовывать как только хорошие или плохие. Прежде человек мог раз в жизни услышать Рахманинова или Крейслера. Да, он нес свое впечатление от игры великого артиста через всю жизнь как незабываемое событие. Теперь же любой может крутить пластинку хоть каждый день по нескольку раз. Никто не ответит, хорошо это или плохо.

Ф.Р. — Однажды на страницах какой-то из московских газет некая романтическая девушка писала с отвращением: у меня на плите кипят щи, а по радио передают Пятую симфонию Бетховена!

М.Л. — Это ли самое страшное! Кипят щи — а на экране телевидения землетрясение в Мексике, или разыгрывается террористический акт, падают окровавленные люди. В нашем сознании происходят такие немыслимые изменения, что остается только удивляться, как это мы еще испытываем потрясающие нас эмоции от музыки Бетховена и Моцарта. Это говорит о силе этой музыки и о том еще, что

человеческое отношение к жизни в основе своей не меняется.

Ф.Р. — Мы с вами вновь вернулись к тому утверждению, что музыкальная классика являет собой вечную, неизменную часть всей новейшей европейской цивилизации; и одновременно говорим о глубоких явлениях кризисного характера. Вопрос заключается в том, каков выход из этого кризисного положения? Что у нее, у нашей музыки, видится впереди? Есть ли признаки того, что жизнь музыкальной культуры будет меняться к лучшему?

М.Л. — Мне кажется, что есть. Музыкальная жизнь уже сегодня начинает принимать иные, на мой взгляд, обнадеживающие формы. В последнее время в Европе, например, появилось много оркестров, которые составляются из студентов консерваторий. Существуют региональные оркестры такого рода — голландский, бельгийский, немецкий, и существует общеевропейский молодежный оркестр, в котором играют музыканты из разных стран Европы. В течение последних лет несколько моих учеников играли в этом оркестре. Молодые музыканты, желающие стать его участниками, проходят серьезную аудицию и, если принимаются в его состав, получают счастливую возможность играть под руководством выдающихся дирижеров. Несколько лет европейским молодежным оркестром руководил Клаудио Аббадо, дирижировал им и Леонард Бернстайн. С этими и другими прекрасными мастерами оркестр совершил поездки по Европе и за ее пределами. Работа с молодежью дает, по-видимому, свое удовлетворение и дирижерам: они ощущают себя вне музыкальной политики, они могут назначить

нужное число репетиций и чувствовать свежесть отклика молодых музыкантов, а не усталых респектабельных профессионалов. Участники молодежных оркестров получают денежное вознаграждение весьма скромное, но их моральные приобретения неоценимы: как бы потом ни складывалась их судьба, общение с великими мастерами останется для них незабываемым опытом. Состав таких оркестров меняется, в нем играют два-три года, так что они представляют собой как бы высшую школу оркестровой игры. Как правило, функционируют молодежные оркестры летом. И тут можно, кстати, сказать еще об одном веянии: стала играть все большую роль летняя музыкальная жизнь. Летом организуется множество фестивалей, устраиваются мастер-классы, проводятся специальные тематические программы. Эта тенденция оказывает благотворное, я бы сказал, демократизирующее влияние на атмосферу музыкальной жизни. Есть и другие явления, которые говорят о том, что в практике концертной жизни возникают новые, свежие веяния.

Ф.Р. — Я чувствую, вы прямо связываете будущее музыки с молодежью.

М.Л. — Молодежь действительно остается, как, собственно, всегда это и было, носителем надежд на перемены к лучшему. Я вижу, как исполнитель и как педагог, вокруг себя много высокоталантливых, трудоспособных и влюбленных в свое искусство молодых музыкантов. И поэтому я уверен, искусство музыки, переходя к ним, и дальше продолжит свою вечную — и столь юную жизнь. ■

Олдборо, Англия
сентябрь 1985

ПОЧТИ

ЧТО

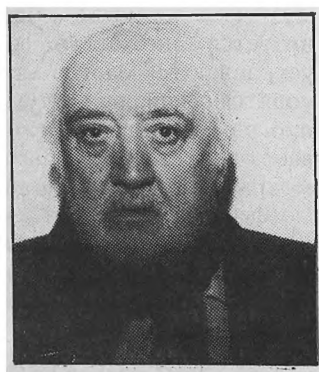
ЮМОР

Приговор,
не приведенный
в исполнение

«Стахановское движение за высокую производительность труда — это смертный приговор капитализму».

(«Новый мир»,
1936, № 1, стр. 191)

Апокалипсис грозовых облаков

Вячеслав Завалишин

**Вячеслав Завалишин —
литературный
и художественный критик.
На Западе живет
с 1945 года.
Автор статей
и книг
о русской литературе
и живописи,
в том числе —
«Андрей Рублев»,
«Казимир Малевич»
(готовится к печати).**

16 сентября 1985 года в Мексике произошло необычайно сильное землетрясение. Оно длилось недолго, но разрушения, причиненные им, поистине катастрофичны: погибли тысячи людей, разрушено много храмов, дворцов, отелей, пострадали правительственные учреждения, кинотеатры, концертные залы.

Примечателен рассказ случайного свидетеля землетрясения, наблюдавшего его с летящего вертолета. Соборы, дворцы, многоэтажные дома рушились, как спичечные коробки, сплюснутые невидимой рукой, колонны высотных зданий ломались, как спички.

В Мексике с конца Второй мировой войны живет и работает живописец и график русского происхождения Влади. Этим псевдонимом подписывает свои работы Владимир Викторович Кибальчич, сын выдающегося писателя, историка общественной мысли и политического деятеля Виктора Сержа (Виктора Сергеевича Кибальчича), автора романа «Дело товарища Тугаева» и биографии Троцкого.

Студия Влади от землетрясения не пострадала, хотя доступ к настенным росписям его работы был затруднен до исправления повреждений и возможной реставрации. Однако случилось так, что недавняя катастрофа привлекла внимание американских и европейских искусствоведов к творчеству художника.

Имя Влади стало известно после того, как Исторический музей в Мехико приобрел серию его картин, посвященных расцвету, закату и гибели Троцкого. Позже Вла-

ди вместе со знаменитым Руфино Тамайо поручили расписывать Мексиканский павильон на Международной выставке в Японии, затем он создает настенные росписи Фрейдовского корпуса при медицинском городке университета Мехико. Вершиной творчества Влади следует считать настенные росписи библиотеки Министерства финансов Мексики. После этой работы Влади приблизился к таким замечательным мастерам настенной росписи, как Диего Ривейра и Сикейрос, кстати, тоже расписывавшие в свое время стены университета Мехико.

Мексиканские искусствоведы и художники справедливо считают отличительной особенностью живописи и графики Влади обостренную драматическую напряженность, свойственную всем фазам творчества художника — от самых ранних до самых поздних. Один латиноамериканский поэт в стихотворении, написанном под впечатлением картин Влади в Историческом музее, уподобляет борьбу Сталина с Троцким борьбе гигантского осьминога с кашалотом. Победил осьминог, а кашалот истек кровью и погиб.

Интерес художника к фигуре Троцкого не случаен: его отец был одним из верных учеников Троцкого и в связи с этим был арестован, а затем — в 1934 году — под нажимом западного общественного мнения выслан из СССР.

Из цикла, посвященного Троцкому, особенно запоминается не та картина, где Троцкий принимает военный парад, но та, где создатель Красной армии изображен

вместе с женой после первого неудавшегося покушения на него. Поза и лицо Троцкого поражают осознанием злого рока, тяготеющего над ним. Жена рядом с ним — просто любящая, преданная женщина, которой мучительно жаль мужа. Политика здесь как бы растворяется в общечеловеческих чувствах.

В истоках творчества Влади присутствует глубинная связь и с родной его отца, и с его новой отчиной. В совершенно новых условиях и совершенно другой атмосфере Влади развивает идеи великого русского художника Павла Филонова, срачивая его эстетические находки с орнаменталистикой и символикой искусства доколумбовой Америки.

В свое время Пабло Пикассо использовал стихийный примитивизм африканского искусства, чтобы вздернуть на дыбы современную ему живопись. Сходным путем идет и Влади, преобразая применительно к современности искусство майя, ацтеков, инков и других древних американских племен.

От врачей-психиатров и психологов мне приходилось слышать, что в росписях медицинского городка при университете Мехико Влади как бы заставляет Фрейда вести полемику с Карлом Марксом. Другой психиатр сказал, что если Венера у древних римлян была супругой бога Вулкана, то Влади в своей эротической фантазии превращает Венеру в наложницу Спартака. Когда я рассматривал слайды с росписей Влади, мне припомнились строки Валерия Брюсова:

Пусть боги смотрят безучастно
На скорбь земли: их вечен век.
Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек.

Для Влади — и в этом главная особенность его фрейдовских росписей — страстное одинаково прекрасно и в марксизме, и во фрейдизме, и в античной мифологии, только страстность эта разного свойства. Есть страстность в революционном фанатизме и в идеях коренного переустройства мира и всей жизни на земле. Есть страстность и в теории Зигмунда Фрейда. Есть чувственная страсть и в эротических мотивах античной мифологии.

Критики фрейдовских росписей не забыли упомянуть о выпущенных отдельными изданиями эротических альбомах Влади. Это именно эротические альбомы, в них нет и намека на порнографию. И представляется неверным суждение, будто художник во фрейдовских росписях временами приносит революционное движение и учение об

кусстве. После устранения предмета из живописи начнется массовый возврат к предметности. В известном смысле настенные росписи Влади можно считать переходной фазой от абстракционизма к его противоположности — дезабстракционизму. Малевический супрематизм возведен здесь в небывалый вихреворот, в стихию разрушения

общественном идеале в жертву вселенной эротике. Тем более, что эротика в творчестве Влади уже пройденный этап. В настенных росписях Министерства финансов он проявил несвойственную ему прежде философскую и психологическую глубину. Экология, этнография и история Мексики с древнейших времен до наших дней в этих росписях как бы объединены воедино бедствиями, катастрофами. Подчас создается впечатление, что в потоках расплавленной вулканической лавы корчатся в нестерпимых муках и предсмертных судорогах растения, звери, люди.

Влади, судя по его картинам, смолodu оценил не только Филонова, но и супрематические дерзания Малевича. Когда-то Малевич говорил, что абстракционизм лишь временная и преходящая форма в ис-

сокрушения. Квадраты, кубы, параллелограммы, эллипсовидные фигуры под напором какой-то стихийной мощи распадаются то на ряд брусков, то на обломки, теряющие правильную геометрическую форму.

Мексиканские искусствоведы писали о том, что художник идет от экспрессионизма с импрессионистическими мотивами к проблемам в реализм, но в силу особенностей формы реализм совмещается с символикой.

Такие метафизические метаморфозы связаны с отношением Влади ко времени: чем старше эпизоды мексиканской истории, попавшие в поле зрения художника, тем импрессионистичнее их отображение. И напротив: когда художник обращается к Мексике XIX-XX веков,

его символика обретает реалистические черты.

Художника вдохновляет бунтарская мятежная стихия. В его росписях можно встретить эпизоды трагически закончившегося мятежа Гуаскара (начало XIX века) и президентства Хуареса в середине XIX века. Но особенно сильно реалистическое начало проявляется в изображении легендарного Панчо Вилья.

По признанию многих знатоков мексиканской истории и искусства, образ Панчо Вилья у Влади гораздо ближе к исторической правде, чем попытки создать идиллический облик этого легендарного героя Мексики в фильме о Джоне Риде, поставленном советским режиссером Сергеем Бондарчуком.

Джон Рид, приобретший известность репортажами о мексиканской революции, находился при ставке Панчо Вилья. Сергей Бондарчук наивно загримировал мексиканца-исполнителя роли Панчо Вилья под Фурманова, комиссара из фильма «Чапаев» братьев Васильевых. Впрочем, в голливудском приключенческом фильме Юл Бриннер играет роль Панчо Вилья еще хуже. Латиноамериканские критики писали, что Панчо Вилья в фильме Бондарчука — это бумажный цветок, взлелеянный пропагандой, тогда как подлинного Панчо Вилья можно сравнить скорее с кактусом, порожденным мексиканской почвой и вросшим в нее.

Многие обратили внимание на то, что Панчо Вилья в изображении Влади напоминает американского актера Уоллеса Бири, сыгравшего роль мексиканского революционера в фильме 30-х годов «Да здравствует Вилья». Но, по уверениям самого художника, он использовал в качестве источников не американский фильм, а документальные материалы и воспоминания тех, кто лично знал Вилья, в том числе и записки американского журналиста и прозаика Эмброуза Бирса, который находился в ставке Панчо Вилья одновременно с Джоном Ридом. Если для Джона Рида Панчо Вилья — «борец за народные права», то Бирс считал мексиканского президента разбойником, развратником и кутилой, не отрицая, впрочем, его ума и таланта. Джон Рид прославился своими репортажами о мексиканской рево-

люции, Бирс же бесследно исчез. Много лет спустя были выдвинуты предположения, что он либо погиб от шальной пули, либо был пристрелен по личной указке мексиканского президента, ходили даже слухи, что он сам пристрелил писателя. В Советском Союзе была распространена необоснованная версия, что Бирса ликвидировали как тайного агента американского генерала Першинга.

Жена Джона Рида Луиза Брайан первая обратила внимание на то, что демоническое восприятие мексиканской революции Эмброузом Бирсом в чем-то перекликается с демоническим восприятием русской революции Леонидом Андреевым. Видимо, есть какая-то преемственная связь между «Записками дьявола» Бирса и «Дневником сатаны» Леонида Андреева, хотя оба произведения не имеют прямого отношения ни к мексиканской, ни к Октябрьской революции.

Влади, по всей вероятности, знал об этом, но книжные источники были для художника всего лишь вспомогательным материалом. Его главной задачей было постичь стихию революции в соотношении света и теней. Джон Рид в своих репортажах выявляет светлые стороны революции, а Бирс делает упор на темные пятна. Историческая правда — где-то посередине.

В своих росписях Влади становится поборником исторической правды. Панчо Вилья вынесен для него на гребень революционной волны бунтарской мятежной стихией — и вместе с тем художник изображает его подгоняющим толпу обнаженных наложниц с распущенными волосами. Он также запечатлел Панчо Вилья у пушки, которую помогают катить и социалист (видимо, известный мексиканский революционер Франсиско Мадейра), и фиолетовый черт, каким его изображали на старинных мексиканских гравюрах. Отметим, что Франсиско Мадейра был повешен генералом Паскалем, захватившим президентский пост. Паскаля, в свою очередь, повесил Вилья, став президентом. Дьявола Влади изображает с большой иронией, так сказать, в неовольтерьянском духе.

Мексиканскую революционную стихию, выдвинувшую Панчо

Вилья, художник сопоставлял с украинско-русской бунтарской стихией, выдвинувшей в Гражданскую войну Нестора Махно. Здесь, вероятно, сыграло роль знакомство Влади с видным теоретиком анархизма Волиным (Эйхенбаумом), который преподавал Нестору Махно несколько уроков бакунизма и, видимо, принимал участие в редактировании воспоминаний украинского анархиста.

Волин интересовался и мексиканской революцией, предполагая, что Франсиско Мадейра намеревался сделать из Вильи, так сказать, предтечу Григория Котовского, героя Гражданской войны в России.

Молодой Влади одно время мечтал об «анархизме с человеческим лицом» и собирался организовать Анархо-синдикалистский революционный комитет. Но Волин охладил его пыл, написав на наброске, который сделал с него художник, следующие слова: «Не лучше ли каким-либо общественно-полезным трудом заняться вместо того, чтобы революционные-то комитеты образовывать». Совет оказался ко времени и к месту. Влади преуспел в общественно-творческом труде.

Художника Влади можно назвать «облученным экспрессионизмом». Что такое экспрессионизм — общеизвестно. Но эпитет «облученный» требует разъяснения. Он восходит к лучизму, то есть к ранней фазе абстракционизма или, вернее, полуабстракционизма. Создателями лучизма в русском и мировом авангарде были Наталья Гончарова и Михаил Ларионов. В их лучистских композициях предметный мир как бы растворяется в цветотоках. Влади сделал облученный экспрессионизм лейтмотивом своего творчества.

Есть средневековые легенды, согласно которым бедствия и катастрофы в истории человечества сохраняются как пепел погибшего, как своего рода цветоастралы облаков в небе. История в таких легендах не угасает, а претворяется в грозные облака. Из таких облаков и состоят настенные росписи Влади в библиотеке Министерства финансов Мексики.

Вот почему, образно выражаясь, все творчество Влади можно назвать апокалипсисом грозных облаков. ■

Афганец в Советском Союзе

С разрешения редакции еженедельника «Zeit Bild» (Берн) мы печатаем перевод статьи, опубликованной в № 4 журнала, от 26 февраля 1986 г.

В Советском Союзе живет и учится много афганцев, которых пытаются воспитать в советском духе. Как живут эти люди? Какой опыт приобретают в процессе общения со своими опекунами и населением? Ниже мы печатаем рассказ одного афганца о его шестимесячном пребывании в СССР. В данном случае пребывание в СССР оказало противоположное действие.

Двадцатилетний Саид Абдул Халег сбежал из Афганистана в город на границе с Пакистаном — Пешавар. Непосредственно перед побегом он работал в Джелалабаде (провинция Нинграхар) полицейским чиновником в следственном отделе. Впрочем, этим он занимался только днем. По ночам он работал для группы сопротивления, сражающейся против того режима, которому он служил. Когда два члена группы были арестованы, он бежал в Пакистан.

За два года до этого Халег учился в Советском Союзе и приобрел там своеобразный опыт. Его сообщение об этом появилось в многотиражном ежемесячнике «Афганского центра информации» (Пешавар, январь 1986).

Выпускник полицейской школы в Кабуле, Абдул в 1983 году был послан в СССР для продолжения образования. Он провел шесть месяцев в Академии милиции под Киевом.

— Мы жили в переполненном доме, где поддерживались строгие правила распорядка. Нас держали на расстоянии от местного населения. Мы только раз в неделю могли выходить в город и посещать ресторан или кафе. Остальное время было заполнено военным обучением, курсами о технике дознания и подслушивания, в программу входило также идеологическое обучение. Даже членам партии, которые были среди нас, трудно было приспособиться к советским условиям жизни. Они говорили, что хотя Афганистан и беден, но, по крайней мере, там пользуешься большей свободой передвижения.

«Для киевлян мы все без разбора были афганским сбродом»

Больше всего поразило Халега сделанное им открытие, что обычные советские граждане с неприязнью относятся ко всем афганцам в целом, и политическая окраска тут никакой роли не играла.

«В их глазах все афганцы, независимо от того, коммунист ты или нет, были просто сбродом, они нас всех ненавидели. В городе мы предпочитали не признаваться, что мы афганцы, выдавали себя за индийцев, сирийцев или ливийцев. Я не раз слышал истории о том, как местные жители осыпали афганских коллег бранью или били их. Сам я был свидетелем двух отвратительных случаев.

Однажды вечером двое афганцев пошли в город на танцы и пришли очень довольные: они познакоми-

лись с симпатичными девушками и договорились с ними встретиться завтра.

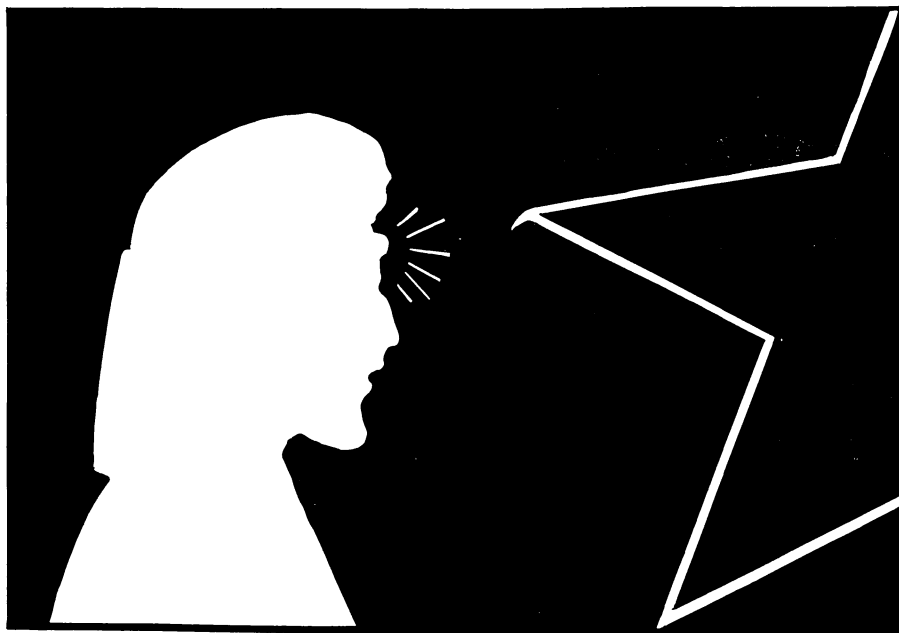
Они отправились на свидание, хотя у них и не было увольнительной. Но ночью они не вернулись домой, не было их и наутро.

В тот день у нас были учения в лесу, и там мы наткнулись на наших пропавших товарищей. Они лежали, окровавленные, в снегу под деревом, избитые до полусмерти. Их отвезли в госпиталь, а затем, не дав им окончить курс, отправили как инвалидов в Кабул.

Из их рассказа мы восстановили следующее: в первый вечер, когда они познакомились с девушками, они выдали себя за индийцев. Но во время танцев у одного из них выпали из кармана какие-то документы, так что стало ясно, что они афганцы. Но девушки как будто не обратили на это внимания, и они условились встретиться на следующий день, потанцевать. Вечер начался с того, что они несколько часов танцевали и пили, затем обоих афганцев пригласили на частную квартиру. Там их поджидали русские ребята, которым они вынуждены были признаться, что они афганцы. Тогда начались оскорбления и драка. Оба парня потеряли сознание и не помнят, что было потом».

«Убийство на расовой почве — обычное преступление»

Второй случай, о котором рассказал Халег, кончился смертью афганца, и милиция отнесла его к разряду обычных преступлений.

«Речь шла об афганце по имени Абдул Хафар, я знал его лично. Он был родом из Вардака, убежденный член партии, настроенный совершенно просоветски.

Однажды он пожаловался нам, что у него вышел спор с двумя русскими. Они оскорбляли его, потому что он афганец. Я могу себе представить, что он, наверное, вывел русских из себя своими ортодоксальными поучениями насчет их «интернационального долга».

Некоторое время спустя этот человек исчез. Через три дня его тело нашли на берегу Днепра. Он был задушен и зарезан, после чего его тело еще страшно изуродовали. Киевская милиция расценила это

убийство как обычное преступление. Нам сказали: «У нас, как и у вас в Афганистане, еще осталось какое-то количество антисоциальных и преступных элементов». Этим дело и ограничилось».

Привилегии в распределении стипендий

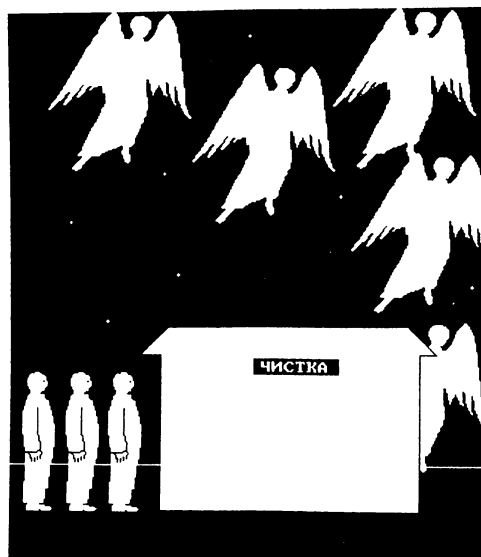
Абдул Халег рассказал также о разнице между обычными и особыми стипендиями. Обычная стипендия афганского студента составляет 87 рублей, и ее едва хватает на жизнь. Однако те, кто учится по рекомендации Центрального комите-

та, по большей части члены партии или их родственники, получают особую стипендию в размере 200 рублей (что соответствует средней заработной плате рабочих и служащих в СССР). Интересно, что особые условия — как в материальном плане, так и в отношении условий жизни, — создаются для «религиозных личностей», очевидно, режим очень нуждается в муллах, готовых к сотрудничеству.

После окончания своего курса в СССР Халег работал вначале в Министерстве внутренних дел в Кабуле. Там он еще в 1983 году читал советские планы оказания влияния на афганских студентов. Советская сторона выражала готовность ежегодно принимать 50 тысяч афганских студентов. Халег сомневается в том, что эта цель достигнута. Зато в последние два года сильно возросло число детей и школьников, которых насильно увозят в СССР. Сам Халег предпочел пребывание в Союзе участию в операциях против партизан.

На вопрос о воздействии на афганских студентов в СССР Халег отвечает: «Я думаю, что влияние в желательном для СССР плане действительно достигается самое большее в 10 процентах случаев, другие возвращаются из Советского Союза либо разочарованными, либо настроенными враждебно». Иначе, по его мнению, обстоит дело с детьми, которых вывозят в Советский Союз: здесь имеется большая вероятность того, что идея воспитания в советском духе окажется успешной. ■

Почти что юмор

Мудрость партии: удаление шлаков

«(мы) чувствовали, что накопили в себе много шлаков... Мы хотим очиститься от шлаков».

(А. Проханов —
«Известия»,
27.10.1985)

Погибает целый народ. Права человека в Афганистане со времени советского вторжения, 1979-1984. Отчет Американской Хельсинкской группы. Нью-Йорк, 1985.

To die in Afghanistan. U.S. Helsinki Watch and Asia Watch Committees, New York, 1985.

Книги, о которых пойдет речь, подготовлены по поручению Американской Хельсинкской группы как сборники документов о нарушении прав человека в Афганистане со времени советского вторжения в 1979 году. Первая — «Погибает целый народ», законченная в декабре 1984 года, основана на интервью авторов — Джерри Лейбера и Барнетта Рубина — с афганскими беженцами в Пакистане. Книге предпослан исторический очерк «Как это произошло», в котором бросается в глаза следующий факт: «В 50-е годы Афганистан обращался за экономической и военной помощью к США, но, опасаясь недовольства Пакистана, который стал одной из опор СЕНТО (Организации Центрального Договора), Соединенные Штаты отклонили просьбу Афганистана о военной помощи. Тогда Афганистан обратился к СССР».

Сегодня уже нет в живых этих «обратившихся» (королевской семьи), нет СЕНТО, Афганистан в советских руках, Пакистану угрожает то же, а американским журналистам остается писать отчеты о нарушении прав человека в очередных странах.

Выразительны названия глав книги — «Сплошное разорение сельской местности», «Массовые репрессии в городах», «Еще о нарушениях международных соглашений» (здесь говорится о бомбардировке госпиталей, об убий-

стве военнопленных). Включена в книгу и глава «Нарушения прав человека борцами афганского сопротивления».

Вторая книга — «Умереть в Афганистане» — является дополнением к первой: она закончена в декабре 1985 года и имеет аналогичную структуру. По сравнению с первой книгой здесь добавлена глава «Создание нового, по-советски обучаемого поколения».

Все описываемое в книгах хорошо знакомо тем, кто уже был свидетелем введения советского образа жизни в других странах — уничтожение сельского населения, подозреваемого в содействии «бандитам», без различия пола и возраста, пытки, казни, спекуляции на религиозных чувствах, командировки «советников» из СССР и пр.

Если бы кто-нибудь захотел создать нечто вроде бюро Симона Визентала для розыска советских военных преступников, вот две фамилии для карточки: капитан Руденко из Жданова в Донбассе, который в феврале 1982 года приказал положить 12 афганцев на дорогу и раздавить их бронетранспортерами, и лейтенант Геворкян, который кинжалом перерезал горло 14-летнему афганскому мальчику.

Обращают на себя внимание не раз повторяющиеся рассказы беженцев о том, как советские солдаты испытывают на афганских крестьянах новое оружие типа лазера. Это оружие, похожее на зеркало или лампу, сжигает людей с небольшого расстояния.

Недавно в мировой печати промелькнули спекуляции насчет того, что, дескать, Кремль тягостит эта война и он хотел бы как-нибудь ретироваться, «спасая лицо». Но в книге «Умереть в Афганистане» рассказывается о том, как советские власти посылают афганских детей от 3 до 9 лет в СССР на долгосрочное (10-летнее) обучение, очевидно, намереваясь вырастить из них бу-

дущих работников коммунистического аппарата в стране. Так не поступает тот, кто думает ретироваться. И стоит послушать, что говорят советские «советники» афганским учителям: «Мы здесь советники, чтобы обучать вас, а в недалеком будущем мы пошлем вас как советников в школы в Лахор, в Исламабад, в Пешавар» — центры Пакистана. Заманчивые перспективы, обширные планы... ■

Александр Сквиский
Кембридж, Массачусетс, США

Ю.Карабчиевский. Воскресение Маяковского. Изд-во «Страна и мир», 1985.

Едва ли в нашей поэзии XX века существует поэт, отношение к которому читательского сознания было бы столь противоречиво, сколь к Маяковскому. Безусловный талант, явная лирическая энергия — с одной стороны, и кровавый революционный пафос, перемешанный с конъюнктурой — с другой. Хамство, возведенное в принципиальный жизненный и творческий стиль, и какая-то «подростковая» беспомощность. Перечисление антиномий можно продолжить...

Книга московского поэта и эссеиста (участника альманаха «Метрополь») Юрия Карабчиевского — глубокое исследование и публицистическое эссе одновременно.

Взять на себя труд копаться ныне в жизни и творчестве Маяковского, прямо скажем, дело неблагоприятное: это скрупулезная работа, требующая крепких нервов и заведомо не рассчитанная на положительную эстетическую отдачу.

Но, похоже, у Карабчиевского был тут и свой «расчет»: покончить с собственным увлечением. Ведь, по его словам, «Маяковский — это не просто литературный факт, это часть нашей повседневной жизни... Мы изучали его стихи по воспитательнице в детском саду, по учительнице в классе, по вожакой в лагере. Мы изучали их по голосу актера и диктора, по заголовку газетной статьи, по транспаранту в цехе завода и по плакату в паспортном отделе милиции».

Действительно, явление для изящной словесности небывалое: власть вводит своим гражданам едва ли не на уровень подкормки, в сам «генетический код» моделируемой системой «гомо советикуса» — стихотворную продукцию Маяковского.

Но тем благороднее задача Карабчиевского: при помощи искусной операции удалить из собственной, а заодно и читательской, черепной коробки зараженный «маяковщиной» участок.

Эссеист точно реконструирует бытующую и по сей день «либеральную» схему: «Молодой блестящий поэт, человек большого таланта, новатор и реформатор стиха, бунтарь и романтик, увидел в Революции сначала также романтику, затем — объективную необходимость и самоотверженно бросился к ней в услужение. Постепенно он втягивается в ее круговорот, становится глашатаем насилия и демагогии и служит уже не Революции, а власти. Здесь он растрчивает всю свою энергию и весь свой талант, попадает в тиски цензуры и бюрократии, видит несостоятельность тех идеалов, которым служил, мучается совестью, мучается раскаянием, обо всем сожалеет и в полном отчаянии кончает жизнь самоубийством. Еще одна жертва, скажем, сталинских лет...»

Книга Карабчиевского наносит сокрушительный удар по этому интеллигентскому мифу — общему месту оттепелевских времён. Единственный критерий эссеиста — гуманистическая истинность и художественная качественность произведения. Он не ценит явление просто за его, скажем, исторический колорит и интенсифицирующую жизненные краски энергию, и такой подход позволяет ему безжалостно отнестись к русскому футуризму. (Но эта же установка не срабатывает, когда Карабчиевский «судит» доавангардистское прошлое — Федорова, а то и самого Достоевского, например: «Достоевский, первый увидевший бесовщину, увидел одну и глаза закрывал на другую, и сам проповедовал третью» — эдак с «гуманистической» кочки образца 80-х годов нашего века можно разнести всю историю и культуру.)

Но в отношении раннего Маяковского в контексте «футуристической идеологии» Карабчиевский, сдаётся, прав. Футуристическое творчество — декла-

ративно, оно не может существовать без эпатуируемой и третируемой им публики. У Маяковского эпатаж этот изначально строился на трех китах: богорчество, насилие (с явно каннибальским оттенком) и... жалобы на то, что ему не дано.

Как точно заметил Карабчиевский: «От обиды — к ненависти, от жалобы — к мести, от боли — к насилию». Поэтому «ко времени пришествия Революции Маяковский... был уже готовым ее поэтом». Словесно он уже осуществил то, что только предстояло большевикам:

Пусть столицы ваши
будут выжжены дотла!
Пусть из наследников
из наследниц варено
варится в коронах-котлах.

«Если все эти чудовищные строки, — пишет Карабчиевский, — непроизносимые слова и невообразимые картины (увы, современникам Маяковского не надо было их «воображать» — они были не только перед глазами, но и втягивали в себя каждого. — Ю.К.) Маяковский употребляет только как символы, только в переносном значении, уподобляя их речевому штампу, если он не чувствует их собственного жуткого смысла — то значит, он человек без воображения».

Конечно, воображение у поэта было. Но Карабчиевский прав, говоря о механистичности стихослагательства Маяковского. Поэтика порой виртуозна, но непременно механистична. Метафоры и образ блефуют, будучи лишь развернутым общим местом. Маяковский, подмечает эссеист, «постоянно насилует объект, чтобы добыть из него выразительность, и такое же насилие совершается над словом». Как выразился Чуковский: «Это Везувий, изрыгающий вату».

В 20-е годы Маяковский варится в отвратном котле стабилизирующейся советской культуры, где выковывался «образ» идеологии и богемничала Лубянка. Он первым стал советским барином, вояжирующим по заграницам, «проводником» советизма в буржуазной лево-либеральной среде — амплуа, в котором нынче подвизаются Вознесенский и Евтушенко.

Маяковский воспитывал массовую аудиторию в коммунистической вере, всегда соответствуя конъюнктуре момента. Выполняя очередной соцзаказ, он писал: «Враги наступают / покончить / пора / с их бандой поповокулачей». Увы, настоящая опасность подстерегала его совсем с другой стороны...

Не претендуя на раскрытие тайны самоубийства Маяковского, эссеист выдвигает версию, с которой хочется согласиться: сталинщина вступила в новую фазу, и всеобщая унификация де-

лала колоритного поэта излишним. Маяковский почувствовал это и добровольно сошел со сцены.

Вот такой мертвый Маяковский как раз нужен был позарез. По распоряжению Сталина пропагандистская машина разворачивается работать на «поэта революции» («поэта резолюции» — как остроумно заметил проф. Эткинд).

Карабчиевский с тонким психологизмом раскусывает механизм всех последующих словословий Маяковскому. Если для Асеева, Перцова, Зелинского и К° дружба с ним (и «исследования» его творчества) становятся своеобразным «алиби» и шансом выжить в эру террора, то для таких сомнительных, с точки зрения властей, литераторов, как Чуковский и Олеша, хвала Маяковскому — присяга в лояльности.

Культивируемый сверху Маяковский и жив, и нет: его знают и его забыли — в душе, открытой подлинному искусству, его погромным декларациям, естественно, не находится места. Но вот один из «потомков» спросил у истории о Маяковском всерьез и по-настоящему. И твердо резюмировал свое добросовестное рытьё в «окаменевшем г...»: «Маяковский — как засасывающая воронка, всякое сближение с ним губительно».

«Отказ от Маяковского есть защитный рефлекс, очень человеческий, очень понятный и, быть может, спасительный». ■

Юрий Кублановский
Париж

Леонид Андреев. Перед задачами времени. Политические статьи 1917-1919 годов. Составление и подготовка текста Ричарда Дэвиса. Chaldize Publications, Benson, 1985.

Советские исследователи литературного наследия Леонида Андреева явно недооценивают значение его журналистской деятельности. Впрочем, это и неудивительно: творчество зрелого мастера, проникнутое трагическим мироощущением декаданса, куда масштабнее и ярче тех фельетонов на злободневные темы, которые под разными псевдонимами появлялись в газете «Курьер» в конце относительно спокойных 90-х годов. Беда, однако, в том, что советское литературоведение вынуждено ограничиваться лишь этим — ранним — периодом: сотрудничество писателя в петроградской газете «Русская воля» в марте—октябре 1917 года остается вне поля зрения советской литературной науки. Тем более ценно появление небольшого сборника статей Леонида Андреева, составленного американским исследователем Ричардом Дэвисом.

Кроме статей, опубликованных «Русской волей», с которой Андреев сотрудничал в 1916-17 гг., в сборник вошли также несколько статей, написанных позднее, — в 1919 году (две из них публикуются впервые, по машинописи, хранящейся в Русском Архиве в Лидсе).

Автор «Рассказа о семи повешенных» и «Красного смеха» чутко и страстно откликался на все бурлившие вокруг него события, и в этом смысле название сборника — само по себе мало оригинальное — кажется вполне оправданным. В период Февральской революции Андреев, горячо ее приветствовавший, высказывается за войну до победного конца, восторженно-патетически формулирует миссию русской армии: «Молодая русская революционная армия должна поднять на свои плечи свободу народов и, не сгибаясь, нести ее в мир. Великая задача, благородная задача!» Но проходит всего лишь немногим больше месяца — и оптимизм явно идет на убыль, в голосе публициста начинают звучать первые тревожные ноты: «Настала пора говорить прямо, как мне подсказывает совесть, и все, что я вижу кругом: да, Россия в смертельной опасности». Восторг сменяется чувством беспомощного ужаса перед происходящим, и перо Андреева-публициста с поразительной силой передает это чувство. Границы, устанавливаемые «сдержанным» жанром публицистики, предельно расширяются: в статьях Андреева поражает глубокий лиризм песенного гоголевского звучания, яркие метафорические образы, врезающиеся в память, зловещий гротеск и ирония. Мистическое видение мира, свойственное Андрееву-художнику, повлекло за собой совершенно особенное — и в то же время традиционное, если вспомнить «Бесов» Достоевского, — восприятие существа происходящего.

Ярчайшими образцами творчества Андреева-публициста представляются статьи «*Veni, creator!*», в которой с удивительной прозорливостью дан образ Ленина (здесь даже мастерски спародирован будущий миф о «народном избраннике», о «полубоге, властвующем над стихиями»!) и «*S.O.S.*» — обращение к союзникам, написанное в 1919 году в Финляндии, в котором на самой высокой пронзительной ноте звучит отчаянный призыв о помощи гибнущей России. Многие положения этой статьи, несмотря на ее привязанность к конкретным историческим условиям и конкретному времени, вполне актуально звучат и сегодня.

Статьи Леонида Андреева заставляют вновь задуматься о судьбах русской интеллигенции и судьбе самого писателя: как сложилась бы она, если бы его не настигла 12 сентября 1919 года внезапная смерть? К счастью для себя, он многого не увидел, но он многое предугадал — недаром составитель книги в

предисловии сравнивает его участь с участью «всех Кассандр, с мучительной прозорливостью вникающих в тайны будущего, но бессильных что-либо в этом будущем изменить». Но читателя этого «неизменного» будущего не оставит равнодушным живая сила слова Андреева-публициста, слова выстраданного, яркого, идущего от самого сердца.

Ирина Муравьева
Бостон

Леопольд Ежевский. Катынь 1940. Пер. с польского О. и Э. Штейнов. «Телекс», США, 1985.

Для русскоязычного читателя история расстрела 4000 польских офицеров Катыни в 1940 году долгое время оставалась неосвещенной. Две страницы посвятил этому событию симпатизировавший Советскому Союзу английский журналист А. Верт в книге «Россия в войне 1941-45» (русский пер. — М., 1967), не слишком убедительно возлагая вину за расстрелы на Германию. Еще менее убедительно, хотя и более уверенно, обвиняет немцев в Катынских расстрелах вся советская историография.

Катынской трагедии посвящена подглавка во втором томе работы М. Геллера и А. Некрича «Утопия у власти» (Лондон, 1982). Газета «Русская мысль» опубликовала перевод статьи Юзефа Чапского «Катынь» (25 апреля 1985 г.).

Книга Леопольда Ежевского — популярная обобщающая работа о трагедии польских офицеров, попавших в плен к Красной Армии после советского вторжения в Польшу в сентябре 1939 года. Они были заключены в трех лагерях: в Козельске, Старобельске и Осташкове.

Более 40% этих военнопленных были офицерами запаса, то есть людьми интеллигентного труда, мобилизованными в армию после германского нападения на Польшу. Среди них были ученые, политические и общественные деятели, литераторы и врачи. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что 14.500 узников советских лагерей были цветом польской нации — из них в живых осталось только 449 человек.

После нападения Германии на СССР советско-польские отношения в корне изменились. Предполагалось, что всем пленным полякам будет объявлена амнистия. На территории СССР началось формирование польской армии, офицерские кадры которой, по расчетам польских руководителей, должны были поставить бывшие пленные Козельска, Осташкова и Старобельска. Однако из примерно 10.000 офицеров, бывших узниками этих лагерей, на мобилизаци-

онные пункты не явился ни один. Эти люди пропали без вести.

К этому времени Смоленщина была оккупирована немцами. До оккупантов дошли слухи о массовых захоронениях в Катыни, и в марте 1943 года там начались раскопки могил. Сначала были обнаружены братские могилы жертв советских расстрелов 1928, 1933-34 и 1936-38 годов, а затем — могилы с останками примерно 4.400 польских военнопленных, расстрелянных НКВД весной 1940 года. 13 апреля Берлинское радио сообщило о находке всему миру. Через два дня Московское радио обвинило в расстрелах немцев.

Л. Ежевский убедительно показывает, что оснований обвинять в Катынских расстрелах немцев — нет, что поляки были истреблены советским НКВД. Тот факт, что в Катыни нашли всего 4.400 трупов — узников Козельского лагеря, — не означает, по мнению автора, что советское правительство не несет ответственности за гибель пленных лагерей Осташкова и Старобельска, которых, по имеющимся сведениям, расстреливали в районе станции Бологое и под Харьковом.

В Катынской трагедии Л. Ежевский обвиняет также и бывшее польское правительство, не предупредившее военнослужащих об опасностях, связанных с советским пленом. В результате поляки предпочитали советский плен немецкому. Между тем, польские военнопленные немецких лагерей остались в живых.

Автор уделяет немало места и позициям американского и английского правительств, которые сделали все, чтобы сведения о Катыни не проникли в печать США и Англии. Разумеется, Рузвельт и Черчилль пошли на это ради сохранения союзнических отношений со Сталиным. Но даже и после войны Лондон и Вашингтон всячески препятствовали публикации материалов, касающихся Катынских расстрелов. Только в 1951 году, во время Корейской войны, Палата Представителей США создала комиссию по расследованию Катынского дела. Комиссия пришла к выводу, что расстрелы произведены НКВД в 1940 году.

И в Польше, и в СССР о Катыни умалчивается вплоть до сегодняшнего дня. Есть версия, что Хрущев предлагал Гомулке объявить виновниками расстрелов Сталина и Берию, но Гомулка якобы отказался. Между тем, как подчеркивает Л. Ежевский, отказ советского правительства принять на себя ответственность за Катынскую трагедию до сих пор является препятствием на пути к дружбе между двумя народами. Издание книги о Катыни на русском языке — шаг к ликвидации этого препятствия. ■

Юрий Фельштинский
Бостон

Из Смоленского архива

I

На пути к бюрократизации советского общества

1

**О порядке переезда
членов партии**

1924 г.

Всем облбюро ЦК,
национальным ЦК,
Губкомам и Обкомам
РКП(Б-ов)

Согласно существующему порядку рядовые работники могут перемещаться из одной губернской организации в другую лишь при согласии обоих губкомов (губкома, в распоряжении которого находится работник, и того губкома, в распоряжение которого он переезжает), а работники, ведущие ту или иную ответственную работу (в губернии, в уезде), могут перемещаться из одной губернии в другую с согласия ЦК.

Мера эта в свое время была вызвана опасностью ослабления и оголения многих организаций, переживавших голод и безработицу, и излишнего скопления в других, находившихся в лучших условиях организациях.

В настоящее время ЦК считает возможным изменить существующий порядок в сторону облегчения возможности для членов партии выездов в другие организации и устанавливает поэтому следующий порядок перемещений.

1. Рядовые работники могут переезжать из одной губернии в другую и из одного уезда в другой в пределах своей губернии с разрешения своего укома, а в губернских городах — райкома. Губкомы и обкомы могут вводить частичные ограничения устанавливаемого порядка перемещения лишь в исключительных случаях с предварительной санкции ЦК. Переезжающие товарищи должны соблюдать правила военного учета (как снятие с территориального учета и т.п.).

Примечание. Переезд в Петроград, Москву, в Крымскую республику ввиду их перегруженности разрешается только по предварительному согласию ЦК, МК и Крымобкома.

2. Парторганизации обязаны, при наличии у прибывающих товарищей разрешения на выезд от укомов и райкомов, брать их на учет, предоставляя им работу наравне с членами своей организации.

3. Работники уездного и районного масштаба и руководящие работники волмасштаба (председатель волисполкома и секретарь волкома) могут переезжать из одной губернии в другую, а также из одного уезда в другой в пределах своей губернии с разрешения того губкома, в распоряжении которого они находятся. Санкция ЦК на откомандирование за пределы губернии требуется лишь в отношении членов президиума укома.

Примечание. Расходы, связанные с переездами по собственному желанию, не должны оплачиваться из средств парторганизации.

4. Работники губернского и уездного масштаба, а также и рядовые — могут откомандировываться в распоряжение ЦК лишь с согласия ЦК.

Секретарь ЦК РКП В.Молотов
Зав. Учраспредом Л.Каганович

№ 85 от 19 января 1924 г.

Smolensk Archive. Roll 26,
WKP 211, p. 177.

ОБОЗРЕНИЕ № 19 — МАРТ 1986

**О неразглашении
государственной тайны**

1934 г.

Приложение к п. 12 инструкции о секретном делопроизводстве

ПОДПИСКА ПРИ УХОДЕ

Я, ниже подписавшийся..... Емельянова Елена Семеновна
имя, отчество и фамилия
бывш. уборщица РК ВКП(б) Козельск
должность и место, где исполнял секр. или шифр. работу
даю настоящую подписку..... Козельскому РК ВКП(б)

название парторгана

в том, что уходя с секретной* работы в Райкоме, обязуюсь все известные мне по указанной работе государственные тайны нигде и ни в какой мере не разглашать.

О своих новых местах жительства или временного пребывания обязуюсь своевременно уведомлять..... Козельский РК ВКП(б)
в течение 2-х лет наз. парторгана

Мне известно, что за невыполнение настоящей подписки я подвергаюсь ответственности во внесудебном порядке согласно постановления Президиума ЦИК СССР от 26 мая 1927 года.

Подпись

Адрес: Козельск, Красноармейская ул., д. Гойдуновой А.М.

Новое место службы и должность

Подпись тов..... Емельяновой

Удостоверяется..... Управделами РК (подпись)

8 июля 1934 г.

Smolensk Archive, Roll. 22 WKP 176, p. 90

* В тексте слово «секретно» зачеркнуто и добавлено: «в Райкоме». — В.Г.

3

Об изучении быта

В 20-е годы разного рода социологические исследования и анкетирование были широко распространены в СССР. И уже тогда они были поставлены на службу режиму и охранительных органов. Об этом можно судить по анкете «Об изучении быта», хранящейся в Смоленском архиве. На документе нет даты, но по косвенным признакам (Вопрос: «Какие журналы и книги вы читали в 1923 году») можно судить, что она относится к 1924 году. Хотя во введении к анкете авторы обещают сохранение конфиденциальности, но текст в целом свидетельствует о методах принуждения, об обяза-

тельности заполнения анкеты. Но еще более поразительны вопросы, которые интересуют Губпартклуб и, якобы, должны помочь «изучению быта» населения. Всего в анкете 86 вопросов. Часть из них действительно невинна и касается фактических данных, другие могут быть заданы на допросе в ГПУ. Не имея возможности привести все 86 вопросов, мы сделали выборку наиболее примечательных из них.

Товарищи коммунисты,
комсомольцы и рабочие!

Кружок по изучению быта при
Губпартклубе им. тов. Ленина считает своевременным перейти от

дискуссии* о быте к изучению быта. Для этого необходимо, чтобы каждый из Вас в месячный срок ответил на нижеперечисленные вопросы бытовой анкеты, ответил совершенно откровенно, ясно и полно.

Затем эти ответы принес бы в библиотеку при Губпартклубе, или в Агитпроп Заднепровского или Верхнего Райкома, опустил бы свои ответы в запечатанный и вывешенный для этой цели ящик и получил бы от библиотекаря или Агитпропа бумажку о сдаче анкеты.

Анкета опускается анонимной (без подписи на ней фамилии заполнявшего).

Надо, чтобы через месяц у всех членов партии и комсомольцев были на руках квитанции о сдаче бытовой анкеты.

Тайна сообщенных отдельными товарищами сведений гарантируется.

Кружок по изучению быта
при Губпартклубе

АНКЕТА

(ответы нужно писать на отдельной бумаге, указывая только № вопроса, на который дается ответ)

1. Вы мужчина или женщина? Женаты или замужем? (Церковным, зарегистрированы или незарегистрированы?)

11. Бываете ли вы в гостях, у кого (родных, знакомых)? Как проводите время?

12. Пьете ли и как часто? Где: в ресторане, пивной, на квартире? Один или в компании? *

13. Играете ли в карты? С кем, где и как часто и с какой целью?

14. Считаете ли возможным организацию коммунистических обществ?

Отрицательные и положительные стороны их, по-вашему?

24. Есть ли у вас прислуга и зарегистрирована ли она на Бирже труда?

* Так в тексте.

25. Есть ли у вас при себе, в деревне и пр. имущество? Не участвуете ли в прибыльных предприятиях родственников?

26. Занимается ли кто-нибудь из вашей семьи торговлей?

27. Пользуетесь ли огородом, его характер, размеры площади?

28. Имеются ли у вас козы, свиньи, овцы, лошади, коровы, гуся, утки, кролики и т.п. и сколько их?

29. Кто ухаживает за скотом?

30. Имеете ли связь с деревней и в чем выражается их материальная поддержка?

31. Приходится ли вам голодать, недоедать и часто ли?

35. Кто у вас моет полы?

36. Кто стирает белье, если на стороне, то сколько платите? Как вы смотрите на организацию общественной прачечной?

37. Как отразился на вашем материальном положении НЭП в отношении заработка, питания, квартиры и т.п.?

38. Сравнялись ли материальные условия жизни при царизме с теперешними (чем они лучше или хуже)?

42. Тяготитесь ли семьей или нет, и почему?

43. Живете ли (в половом отношении) помимо жены (мужа) одновременно с другими. Если да, то какова эта связь — случайная или более или менее продолжительная?

44. Известно ли это жене (мужу) и от вас или от посторонних лиц? Как к этому относится?

45. Каковы отношения с мужем (женой) — товарищеские, духовная близость, если нет, то каковы эти отношения?

46. Бывают ли разногласия с женой (мужем) по общественно-политическим вопросам?

49. Попадаете ли под влияние жены (мужа) в смысле религиозных традиций и пр. (крещение и обрезание детей, соблюдение праздников и пр.) или наоборот, революционизируете ее сознание? Укажите достижения в этой области.

50. Имеете ли детей или прибегаете к абортам, мерам предупреждения и почему?

51. Отношение мужа к абортам?

52. Если вы холост, то пользуетесь ли (пользовались) проститутками. Если вы незамужняя, то бывают ли случайные связи (если женаты или замужем, ответьте также).

53. Не болели ли венерической болезнью, если да, то как ее получили (бытовым или половым путем и как)? Что принимаете для лечения? Если есть дети, не больны ли они, не заражаете ли других?

54. С каких лет начали жить половой жизнью?

59. С кем (социальная группа) больше всего соприкасаются ваши дети? И как это влияет на них?

60. Как вы разрешаете с детьми религиозный вопрос?

65. Есть ли среди ваших детей члены РКСМ, если нет, то почему (молоды, против вступления в РКСМ)?

67. Есть ли у вас родители и откровенны ли вы с ними. Кто они по социальному и имущественному положению?

68. Бываете ли в церкви, синагоге и пр.? Как часто и почему?

69. Есть ли у вас, откровенно, какие-нибудь сомнения в отсутствии Бога* или какой-нибудь другой высшей силы в природе?

70. Как к вопросам религии относятся беспартийные члены вашей семьи: носят ли кресты, ходят ли в церковь, имеют ли иконы в своих

комнатах, учат ли детей молиться богу*, имеют ли знакомство с попами, вступают ли с вами в споры?

72. Как относятся к вам попы и религиозные знакомые?

74. Читаете ли вы и что? Дома, в клубе? Какая литература вас больше всего интересует?

80. Распределено ли у вас время и как относитесь к лиге времени?

81. Какие явления (укажите точно фамилии и места), по вашему мнению, разлагают партию: извращения ответработников, нетоварищеское отношение, бюрократизм, грубость и пр. Какой путь борьбы, по-вашему, наиболее целесообразен?

82. Довольны ли своей службой и если нет, то почему?

83. Как часто пользуетесь служебными средствами передвижения (для личных целей, по делам службы)?

84. Не было ли случаев катания знакомых, членов партии, кого и как часто?

85. Пользуетесь ли своим служебным положением (легальными и нелегальными способами) к улучшению своего материального положения, не замечаете ли это за другими, кем именно и в каких размерах?

86. Какие вопросы не затронуты в анкете?

Smolensk Archive. T 87, Roll 26, WKP 209, p. 18.

Последний вопрос безгранично расширяет возможности «коммунистов, комсомольцев и рабочих» заниматься конструктивной самокритикой и доносить на ближних. К сожалению, ответов на анкету в Смоленском архиве не оказалось. Возможно, Губпартклуб просто их не получил.

*Публикация
Валерия Головского*

* Так в тексте.

II

Борьба с «бандитизмом» в Смоленской губернии летом 1919 года

Всем известна традиционная советская схема движущих сил Гражданской войны, подхваченная и некоторыми западными учеными: Гражданская война в России велась между эксплуататорскими свергнутыми классами буржуазии и помещиков, поддерживаемых международным империализмом, с одной стороны, и рабочим классом в союзе с беднейшим крестьянством под руководством партии большевиков — с другой. В эту схему явно не укладывается огромное количество фактов, свидетельствующих о том, что на многих этапах Гражданской войны именно рабочие и крестьяне были главной силой, оказывавшей сопротивление большевистской диктатуре. В этой связи можно указать на десятки крестьянских восстаний и крестьянских партизанских объединений, возникавших начиная с лета 1918 года и в центральной России и на Украине. Количественно эти отряды в сумме превосходили организованные силы белых. Так, у Деникина стояло под ружьем не более 150 тысяч человек, тогда как общее число «зеленых», то есть крестьянских партизан, только в Европейской части России, было намного выше. Крестьяне отказывались от мобилизации в Красную армию и предпочитали уходить в леса, отсюда и название — «зеленые». Движение зеленых приобрело огромный размах к лету 1919 года. Во всех городах были учреждены комиссии по борьбе с дезертирством. Большевики, явно обеспокоенные этим движением, пробовали и объявлять амнистии добровольно возвращающимся из лесов, и брать заложников из семей уклонявшихся от призыва, применяли и карательные меры против целых деревень, вплоть до сожжения. Даже по данным советской печати о работе комиссий ясно, что массовое дезертирство принимало угрожающие размеры.

Дезертирство не только лишало большевиков живой силы, которую можно было бы бросить в бой, оно, к тому же, — и это было опаснее — как бы размывало границы фронта Гражданской войны. Линия фронта проходила не только на юге, где успешно развигрывала наступление малочисленная денкинская армия, — фронт был в каждой губернии. Если в центральной полосе отряды зеленых, распыленные на огромном расстоянии и не объединенные общим пла-

ном действий и командованием, не могли надолго свергнуть большевиков, то ближе к театру военных действий военное значение крестьянских партизанских объединений было огромно. Более того, можно с уверенностью утверждать, что именно благодаря многочисленным крестьянским восстаниям весной и летом 1919 года большевистские власти были настолько ослаблены, что не сумели задержать стремительное наступление Деникина.

Публикуемый нами документ из Смоленского партийного архива касается борьбы большевистских властей с «бандитизмом» и освещает ряд важных исторических проблем, которые в настоящее время стоят в центре дискуссии о Гражданской войне в России: каков был социальный профиль дезертиров или уклонявшихся от службы в Красной армии? В чем, собственно, заключался их «бандитизм»? Как относилось население к «бандитам»? Какие меры принимали местные власти для борьбы с зелеными? И наконец — какова была структура этой местной власти?

Найти ответы на эти вопросы нелегко: крестьяне не вели архивов и не публиковали статей с изложением своих взглядов. Оппозиционная пресса, например, эсеров и меньшевиков, была уничтожена летом 1918 года. Поэтому для освещения событий этого периода документы из Смоленского партийного архива являются поистине неоценимыми источниками.

Публикуемое нами донесение не предназначалось для печати. Это отчет военного комиссара о проведенной им операции. Если бы сообщаемые им сведения были напечатаны, скажем, в эсеровской газете, большевистские власти непременно объявили бы их злобной контрреволюционной клеветой и закрыли бы газету. Более того: если бы в наши дни историк почерпнул эти сведения из эсеровской газеты, кто из западных ученых поставил бы под сомнение аутентичность этих данных, поскольку эсеры были заинтересованы в публикации материалов, компрометирующих советский режим.

Но, к счастью, документ взят из внутренней секретной переписки местных властей, хранившейся в Смоленском областном партийном архиве.

6 августа 1919 года

Секретно

Рославльскому Уездвоенному

Донесение

Настоящим довожу о результатах поездки моей во главе отряда в волости Рославльского уезда от 24 июля 1919 года за номером 10650. Отряд выбыл эшелонем 24 июля сего года с пассажирским поездом в 20 часов 30 минут вечера на станцию Сечинская. По прибытии на станцию, последняя была окружена, дабы не дать возможности приспешникам бандитов предупредить их о прибытии отряда.

В одном с отрядом эшелоне следовали граждане Антип Нестерович и Фесов — оба знакомые с местностью и местонахождением притонов бандитов. По дороге от них мы узнали, что местопребывание бандитов — местечко Рогнедино. Я и командир отряда тов. Пискунов из стратегических соображений считали нужным отправиться в местечко Рогнедино тотчас же, чтобы ночью обложить местечко, а на рассвете произвести необходимые обыски и аресты. По настоянию Антипа Нестеровича и Фесова, отряд отправился к хуторам, расположенным в пяти-шести верстах по дороге к местечку Рогнедино. Тогда же тов. Лексин в сопровождении нескольких красноармейцев направился в Тюненскую и Федоровскую волости для разведки и выставления застав. Облава по хуторам никаких положительных результатов не дала, но заставила отряд запоздать в прибытии в местечко Рогнедино. По прибытии я все-таки предложил «Антипу» укачать дома, где проживают бандиты, чтобы оцепить их, но он заявил, что считает это излишним и ненужным ввиду позднего времени.

Из разговоров с представителями местного исполкома, членами Коммунистической ячейки и милиционером выяснилось, что бандиты в эту ночь ночевали в местечке. Трудно описать чувства досады и недовольства, охватившие красноармейцев и командный состав отряда при виде этой неудачи. Чтобы усыпить бдительность бандитов, мы совместно с товарищами местными коммунистами решили выбыть в Тюненскую волость, занявшись там ловлей дезертиров, с

тем, чтобы через три дня снова нагрянуть неожиданно в местечко Рогнедино и на рассвете сделать снова облаву, что и было исполнено.

В ночь на 31 июля сего года отряд в полном составе прибыл в условленное место, сохраняя полнейшую тишину, для соединения с местными коммунистами, знакомыми с местностью и расположением квартир бандитов. Отряд был разбит по числу домов, подлежащих оцеплению. Было условлено, чтобы ночью окружить дома, а на рассвете по условленному сигналу (два выстрела подряд) произвести обыски, захват предполагаемых там бандитов. На каждый дом предполагалось дать по одному местному коммунисту, что не было исполнено полностью, так как последние заявляли, что отряд уедет, а они останутся в местечке и бандиты могут им отомстить. Дома, в коих квартируют бандиты, разбросаны на большом пространстве, потому не могли быть одновременно оцеплены. В том числе была выделена одна группа в пять человек с командиром отряда тов. Пискуновым; вместе с означенной группой направился также и гражданин Антип Нестерович. Подойдя к дому одного из бандитов, последний, не выждав оцепления дома отрядом и нарушив указанное выше условие дожидаться рассвета, стал стучать в дом с криком «открывай», бандит выскочил не то из окна, не то из чердачного помещения и бросился бежать через огород, вследствие чего получилась стрельба красноармейцев по нем два раза подряд.

Эти выстрелы были поняты как сигнал к началу действий по оцеплению домов бандитов, хотя это было совершенно нецелесообразно, так как кругом царил абсолютная темнота. Облава началась. Один бандит успел скрыться в огороде. По моему приказанию местечко было окружено кавалерией. Один из кавалеристов, тов. Николаев, заметил одного бандита, пытающегося скрыться в роще, и так как лошади были утомлены, пешим бросился его преследовать, во время чего тов. Николаев подвергся обстрелу из шалаша, стоявшего на огороде гражданина Семенцева, но благодаря темноте, обоим бандитам удалось скрыться. Весь последующий день и ночь на первое ав-

густа были выставлены потайные заставы, так как предполагалось, что бандиты скроются на огороде не успели и попытаются это сделать днем; но положительных результатов заставы не дали. После указанной неудачи по поимке бандитов, я совместно с тов. Лексиным и местной властью счел нужным взять заложников из семей бандитов и опубликовать прилагаемый при сем приказ. Нахожу необходимым сообщить, что, при отсутствии отрядов, бандиты совершенно открыто и свободно разгуливают по местечку и даже ведут беседы с членами местного исполкома. В одной из бесед с председателем волостного исполкома, он же военный комиссар, тов. Скачковым, бандиты заявили, что никакие отряды ни к чему не приведут, ибо они заранее осведомлены обо всех шагах и мероприятиях борющихся с ними властей, но им надоел такой образ жизни, и они с охотой вернулись бы в ряды Красной Армии и отправились бы на фронт, если их не расстреляют. При гарантии председателем волостного исполкома тов. Скачковым безопасности, они отдадутся в руки властей. За три дня пребывания отряда в Тюненской волости, последним по спискам волостного исполкома были окончательно выловлены и сданы военному свыше ста человек дезертиров, которые были им освобождены на два дня для ликвидации личных дел под подписку явиться в Рославльский Комдезертир.

Считаю необходимым и уместным осветить настроение населения Рогнединской волости. Оно терроризировано действиями местных членов Коммунистической ячейки. Оно совершенно не заинтересовано устройством и строительством собственной жизни, ибо, по их заявлениям, у них есть свои «цари и боги», а именно — Иван Нестерович, «Антип», и Фесов (связанные все родственными узами). Как пример ими рассказывается следующее:

Когда гражданин Фесов, будучи председателем волостного исполкома, был призван на военную службу, он назначил своим заместителем Антипа, деятельность которого выражалась, по массовым заявлениям и жалобам граждан, в постоянных и беспощадных реквизициях и конфискациях их имущества,

причем конфисковывались не только предметы роскоши, но и такие, как сахар, в количестве двух-шести фунтов, столовой посуды и прочее. При конфискации «Антипом» посуды у гражданина Семенцева первый заявил: «Довольно вы пожили, а теперь я поживу». На вопрос, для кого он берет посуду, он ответил: «Для себя». У гражданки в местечке Рогнедино (сын коей красноармеец) бывшим председателем исполкома гражданином Фесовым был отнят огород с обещанием возместить его в другом месте, что не было исполнено, и она осталась без огорода. Подобных заявлений даже в соседних волостях, как Радичская, было масса, и если бы отряд провел в местечке более продолжительное время и приобрел доверие населения, что было бы весьма полезно, так как оно полагало, что отряд прибыл по вызову и для защиты Коммуны, состоящей из «Антипа» Ивана Нестеровича, Фесова и компании, то материал по недовольству и жалобы, безусловно, был бы более обширен. По всей волости нет никаких признаков политической и культурно-просветительской работы. Крестьяне откровенно заявляют, что они решили не вмешиваться в дела общественного характера, так как все равно будет так, как хотят лица упомянутой, всех устрашающей, «Коммуны».

Рогнединская волость считается настроенной контрреволюционно, что и справедливо, так как местное население, даже беднейшее крестьянство и истинные пролетарии, на Советскую власть и идею коммунизма смотрят сквозь призму вышеупомянутой «Коммуны» и власть предрежащих — Антипа, Фесова и других. Отсюда понятно отношение населения к отряду и случаи отказа красноармейцам в пище, а также почти явная симпатия к дезертирству и даже чуть не к бандитизму. За время пребывания отряда в Рогнедине могу указать следующие факты, свидетельствующие о нетактичности и шкурнических вожделениях местных коммунистов. Председателем исполкома тов. Скачковым при расквартировании и распределении на довольствие красноармейцев отряда трое из них были направлены к гражданину Миронычеву, родственнику Фесова. Гражданином Миронычевым красноармейцы бы-

ли с бранью прогнаны, и им во всем отказано. При выбытии из Рогнедина тов. Скачковым для доставки конвоиров и заложников к станции был дан наряд на лошадь гражданину Миронычеву, который в подаче подвод в грубой форме отказал, а жена его, ворвавшись в помещение отряда в сопровождении Фесова, в присутствии красноармейцев сыпала меня и тов. Пискунова резкими замечаниями на якобы неправильные действия отряда, а моя попытка (и вежливая, и в резкой форме) прекратить этот поток нравоучений и замечаний, граничащих с бранью, не удалась, и я вынужден был удалиться в соседнее помещение, дабы избежать нежелательных эксцессов, что безусловно возмутило красноармейцев отряда, требовавших у меня ареста гражданина Фесова. Местным чиновником милиции и членом местной коммачейки, приехавшим с фронта по ранению, тов. Бандаревым Ефимом было мне подтверждено и указано на массу незаконных действий и случаи превышения власти, творимых Фесовым, Антипом Иваном Нестеровичем. Местное население показывает, что оно настолько терроризовано отношением к себе местных властителей, что пугают детей именем «Антипа», когда те усыпают, а подростки разбегаются при его появлении на улицах. В день отъезда из Рогнедина в Рославль мною было получено [?] письмо по местной почте, при сем прилагаемом, указывавшее на связи и переговоры Ивана Нестеровича и Моисеева с бандитами.

Далее укажу на некоторые ненормальные явления, с коими мне пришлось столкнуться при ловле дезертиров в Тюненской волости. Мобилизованные члены волостной коммачейки до сих пор не являются для отправки в часть, что дает известное настроение населению и служит доводом к дезертирству. Примером может послужить председатель местного Совета, села Георгиевского Тюненской волости, Николай Кличин, мобилизованный ячейкой и до сих пор не отправляющийся на фронт вследствие того, что, по его заявлению, он оставлен тов. Дексиным [?] для распределения луговых угодий, а последний мне заявил, что указанному Николаю Кличину предоставлена отсрочка Рославльским Р.Н.К [?], что при справке не подтвердилось.

Подобные ненормальности может указать и политком I зап. стрелк. б-на тов. Быченков. Все это неблагоприятно действует на настроение населения.

В том же селе Георгиевском мною был арестован гражданин, бывший I? — 20 лет урядником и обвиняемый в избиении соседа и его сына при дележе лугов, чистокровный кулак, под угрозой кровавой расправы (по показанию населения) не допускавший «посягательств бедняков» на его имущество. Я арестовал его с намерением препроводить его в город Рославль для предания суду как контрреволюционера, но последний был отпущен тов. Лексиным под какую-то подписку и без моего ведома и согласия.

Все арестованные, заложники под конвоем и при рапорте, а также и конфискованные мною вещи, как перевязочный материал, хирургические принадлежности и вещи казенного образца, препровождены мною в Рославльский Военный Комиссариат.

Политический комиссар
Б.Ардаев

Smolensk Archive, Roslavl'.
File 119.

Подведем итоги.

Из документа совершенно очевидно, что так называемые бандиты — это простые крестьяне, уклоняющиеся от призыва в Красную армию. Они вели нормальную крестьянскую жизнь — имели свои огороды, пользовались поддержкой населения, и домов «бандитов» в маленьком местечке было так много, что прибывший туда карательный отряд не смог окружить их все одновременно.

Очевидно также, что уклонение от призыва в Красную армию было явлением не исключительным. Волостной исполком составлял списки уклоняющихся, а в уездном городе работала комиссия по дезертирству. В села высылались карательные отряды. Важно и указание на то, что во внутренней переписке большевистских органов власти целые волости считались «контрреволюционными», — а ведь в этих волостях не было ни

Как свидетельствует документ, карательные отряды брали заложников из местного населения — то есть ни в чем не повинных людей: в противном случае их бы увезли не как заложников, а как контрреволюционеров. Взятие заложников описано в документе как самое обычное дело. Чрезвычайно важно отметить, что заложники брались не из среды буржуазии и офицерства и не в период официально-го красного террора (осень 1918 года), но среди крестьян, и это считалось профилактической мерой. Командир карательного отряда таким образом получал огромную власть над местным населением: он мог обстреливать дома, устраивать засады, открывать огонь по пытавшимся скрыться, производить аресты, брать заложников, реквизировать имущество, не затрудняя себя излишними формальностями. Как видно из документа, командиры вволю пользо-

Операции такого рода проводились по поручению если не губернских, по, по крайней мере, уездных властей: Отчет о них уездные власти посылали в губком партии. Это не было самоуправством или искажением линии партии, а претворением этой линии в жизнь.

Самоуправство, беззаконие, произвол, террор, осуществляемые местными властями, такими, как Антип, превзошли ожидания даже командира карательного отряда, посланного властями. В докладе несколько раз употребляются слова «террор, терроризовано». Местные диктаторы вроде Антипа не были, однако, исключением. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть опубликованные материалы VIII съезда ВКП(б), состоявшегося в марте 1919 года. Этих властителей порождала сама структура местной большевистской власти. Разогнав сначала советы, а затем и комбеды, большевики судорожно пытались найти опору в деревне, но реквизиции, мобилизации, чрезвычайный налог

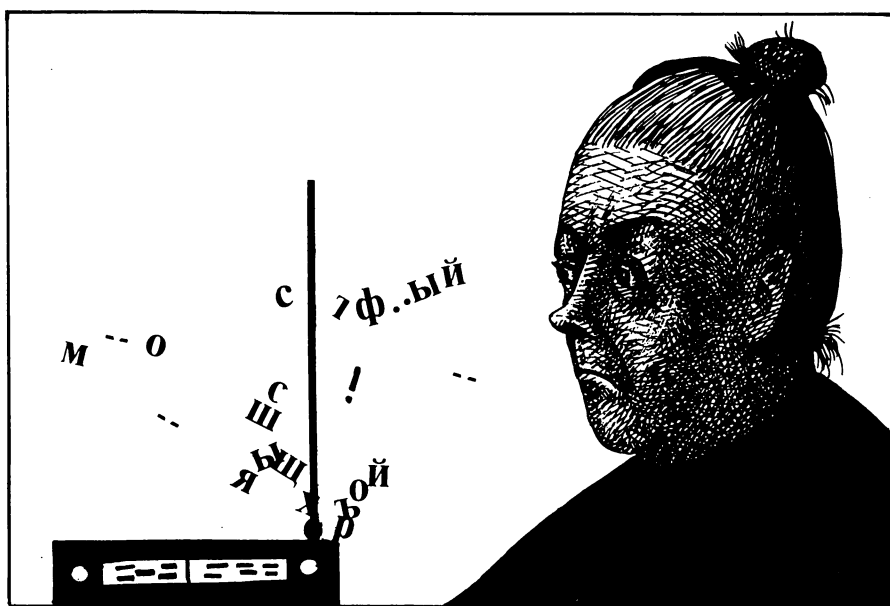
и всевозможные кампании настолько восстановили деревню против центральной власти, что большевики могли опираться только на назначаемые тройки пятачки и пр., имевшие неограниченные полномочия. В любой деревне, в любом городке легко находились люди, готовые воспользоваться предоставляемой возможностью творить расправу под видом «коммуны». Впрочем — и это главное — диктатура местных царьков, которых, как свидетельствует доклад, ненавидело все население, по сути ничем не отличалась от правления центральных большевистских властей: и те и другие проводили реквизиции и террор. Правда, гнет правителей вроде Антина был для местного населения тяжелее: он осуществлялся, так сказать, на дому, повседневно, тогда как представители центральных властей появлялись в деревне лишь время от времени, в виде карательных отрядов. ■

**Вступительная статья,
публикация и комментарий
Владимира Бровкина**

ПОЧТИ ЧТО ЮМОР

(Письмо читательницы
из Липецкой обл. —
«Сов. Россия»,
12.11.1985)

**(Письмо читателя —
«Сов. Россия,
15.12.1985)**

Sommaire

Alexandre Nekritch. Peut-on surmonter la stagnation?

Les nouveaux dirigeants du pays affirment que le tout récent congrès du PCUS constitue un tournant dans l'histoire du PCUS et de l'Etat soviétique. Dans son éditorial, le rédacteur de la revue fait le bilan du 27ème congrès et montre la continuité qui apparaît dans la politique menée par la direction du PCUS dans tous les domaines essentiels.

Ignacy Szenfeld. «Ils» ont rompu leur silence (Deuxième article).

Il s'agit d'extraits du livre de la journaliste polonaise Teresa Toranska **Eux**, qui est un recueil d'interviews d'anciens dirigeants polonais. On y découvre des détails, restés inconnus jusqu'à présent, concernant les relations mutuelles entre les dirigeants polonais et soviétiques au cours des années 1944-56.

Marc Raeff. Deux cents ans d'Empire. Essai d'analyse historique.

En donnant un aperçu général de l'histoire de la société russe depuis Pierre 1er, l'auteur s'efforce de mettre à jour les conditions et présupposés historiques qui ont finalement abouti à la révolution de 1917.

Mikhaïl Volodarski. L'URSS et la Turquie.

Dans ce bref essai, l'auteur étudie l'évolution des relations entre l'URSS et la Turquie au cours des 30 dernières années. Il s'intéresse plus particulièrement aux tentatives de l'URSS pour neutraliser la Turquie, pour en faire une seconde Finlande.

Semion Tchertok. Le cinéma de Otar Iosseliani.

Cet article parle de l'œuvre du cinéaste géorgien Otar Iosseliani, dont les films, lyriques et très personnels, sont inhabituels pour l'art soviétique.

Felix Rosiner. Entretien sur la musique.

Il s'agit d'une interview du violoniste Marc Lubotski, dans laquelle il parle des problèmes de coexistence entre la musique moderne et la musique classique, des particularités de la vie musicale en Europe et aux Etats-Unis, par rapport à l'Union soviétique, de la jeunesse et de la musique etc...

Notes et impressions.

Cette rubrique comprend un article de Viatcheslav Zavalichine «L'apocalypse des nuées orageuses», sur l'œuvre du peintre mexicain d'origine russe Vladi, ainsi qu'une note, traduite de l'hebdomadaire suisse «Zeit Bild», «Un Afghan en Union Soviétique».

Revue des livres.

Cette rubrique regroupe les comptes-rendus des livres suivants: «Voskresenie Maïakovskogo» (**La résurrection de Maïakovski**) de Iouri Karabtchievski; «Pered zadatchami vremeni» (**Face aux nécessités de l'époque**) de Leonid Andreev; «Katyn» (**Katyn**) de Leopold Ezevski; des recueils de documents: «Gibnet tsely narod» (**Un peuple entier est en danger de mort**) et «To die in Afghanistan» (**Mourir en Afghanistan**).

Documents.

Dans cette rubrique sont publiés quelques documents des archives de Smolensk concernant la bureaucratisation de la société soviétique (publication et notes de V. Golovskoï) et la lutte contre le «banditisme» dans le gouvernement de Smolensk pendant l'été 1919 (publication, introduction et notes de V. Brovkine).

Summary

Aleksandr Nekrich. Is it possible to overcome stagnation?

New leaders of the Soviet Union proclaimed that the recent Congress of the CPSU constitutes the turning point of the history of the Party and Soviet State. The editor of *Obozrenie* discusses results of the XXVII-th Congress and shows that the Party politics in the main spheres is not changed.

Ignacy Szenfeld. «They» Began to Talk (The second article).

Extracts from *They* by Teresa Toranska, a collection of interviews with former leaders of Poland. The interviews reveal hitherto unknown details of relations between Polish and Soviet governments between 1944 and 1956.

Mark Raeff. Two Hundred Years of an Empire. Attempt at an Historical Analysis.

Through a brief examination of the history of Russian society since Peter the Great, the author attempts to trace the historical conditions that finally led to the 1917 Revolution.

Mikhail Volodarsky. The USSR and Turkey.

A short essay on the development of relations between the USSR and Turkey during the past 30 years. The author is particularly interested in attempts by the Soviet Union to neutralize Turkey and create a second Finland.

Semyon Chertok. Cinematography of Otar Ioseliani.

An article on the creative work of the Georgian director Otar Ioseliani, whose personal, lyrical films are unusual in Soviet art.

Felix Roziner. Conversation about Music.

An interview with the violinist Mark Lubotsky. Problems discussed include the coexistence of contemporary and classical music, particulars of musical life in Europe and America compared with the USSR, and young people and music.

Notes and Impressions.

This section contains an article by Vyacheslav Zavalishin, «Apocalypse of the Storm Clouds», on the work of the Mexican painter of Russian origin, Vladi. Also published is a translation of the article, «An Afghan in the Soviet Union» from the Swiss weekly *Zeit Bild*.

Short Book Reviews.

The following books are reviewed: Yuriy Karabchievskij, «Voskresenie Mayakovskogo» (**Revival of Mayakovskij**); Leonid Andreev, «Pered zadachami vremeni» (**Addressing Demands of the Times**); Leopold Ezhevskij, «Katyn»; and two collections of documentary evidence: «Gibnet tselyj narod» (**A Whole People is Dying**) and «To Die in Afghanistan».

Documents.

This section presents several documents from the Smolensk Archives. The first part, prepared for publication by V. Golovskoy, is about bureaucratisation of the Soviet society; the second, prepared by V. Brovkin, discusses the struggle with «bandits» in the Smolensk Province in the summer of 1919.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Некрич — Можно ли преодолеть застой?.....	1
---	---

ИСТОРИЯ

Игнатий Шенфельд — «Они» заговорили. <i>Статья вторая</i>	4
Марк Раев — Двести лет империи. Попытка исторического анализа.....	10

СССР: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Михаил Володарский — СССР и Турция.....	17
---	----

СССР: ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Семен Черток — Кинематограф Отара Иоселиани.....	22
--	----

ИНТЕРВЬЮ

Разговор о музыке. Беседа Феликса Розинера с Марком Лубоцким.....	27
---	----

ЗАМЕТКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Вячеслав Завалишин — Апокалипсис грозových облаков.....	32
Афганец в Советском Союзе.....	35

КОРОТКО О КНИГАХ

Александр Скивский — Погибает целый народ. Права человека в Афганистане со времени советского вторжения, 1979-1984. Отчет Американской Хельсинкской группы. To die in Afghanistan. U.S.Helsinki Watch and Asia Watch Committees.....	37
Юрий Кублановский — Ю.Карабчиевский. Воскресение Маяковского.....	37
Ирина Муравьева — Леонид Андреев. Перед задачами времени.....	38
Юрий Фельштинский — Леопольд Ежовский. Катынь 1940.....	39

ДОКУМЕНТЫ

Из Смоленского архива.

На пути к бюрократизации советского общества. Публикация и комментарий Валерия Головского.....	40
Борьба с «бандитизмом» в Смоленской губернии летом 1919 года. Вступительная статья, публикация и комментарий Владимира Бровкина.....	43

П о ч т и ч т о ю м о р.....	16,26,31,36,46
------------------------------	----------------

SOMMAIRE	47
----------------	----

SUMMARY.....	48
--------------	----

«ОБОЗРЕНИЕ»
Аналитический журнал газеты «Русская мысль» (Париж)
Выходит 6 раз в год
Редактор Александр НЕКРИЧ

Supplément au journal «La Pensée Russe» № 3616
Directeur responsable R.Gallouin
Commission paritaire No. 58334

«OBOZRENIE»
Revue analytique publiée par l'hédomadaire «La Pensée Russe» (Paris)
6 numéros par an
Rédacteur en chef Alexandre NEKRITCH

«OBOZRENIE»
Analytic journal published by «Russkaja Mysl» (Paris)
6 issues per year
Editor-in-Chief Aleksandr NEKRICH

Copyright «Russkaja mysl» (Paris) 1986

Обложка и рисунки Олега Антропова
Подготовка рукописей к печати и перевод иноязычных
материалов Елены Гессен

Номер готовили:

Наборщик Соня Сорокина
Корректор Майя Муравник
Метранпаж Виктор Сорокин